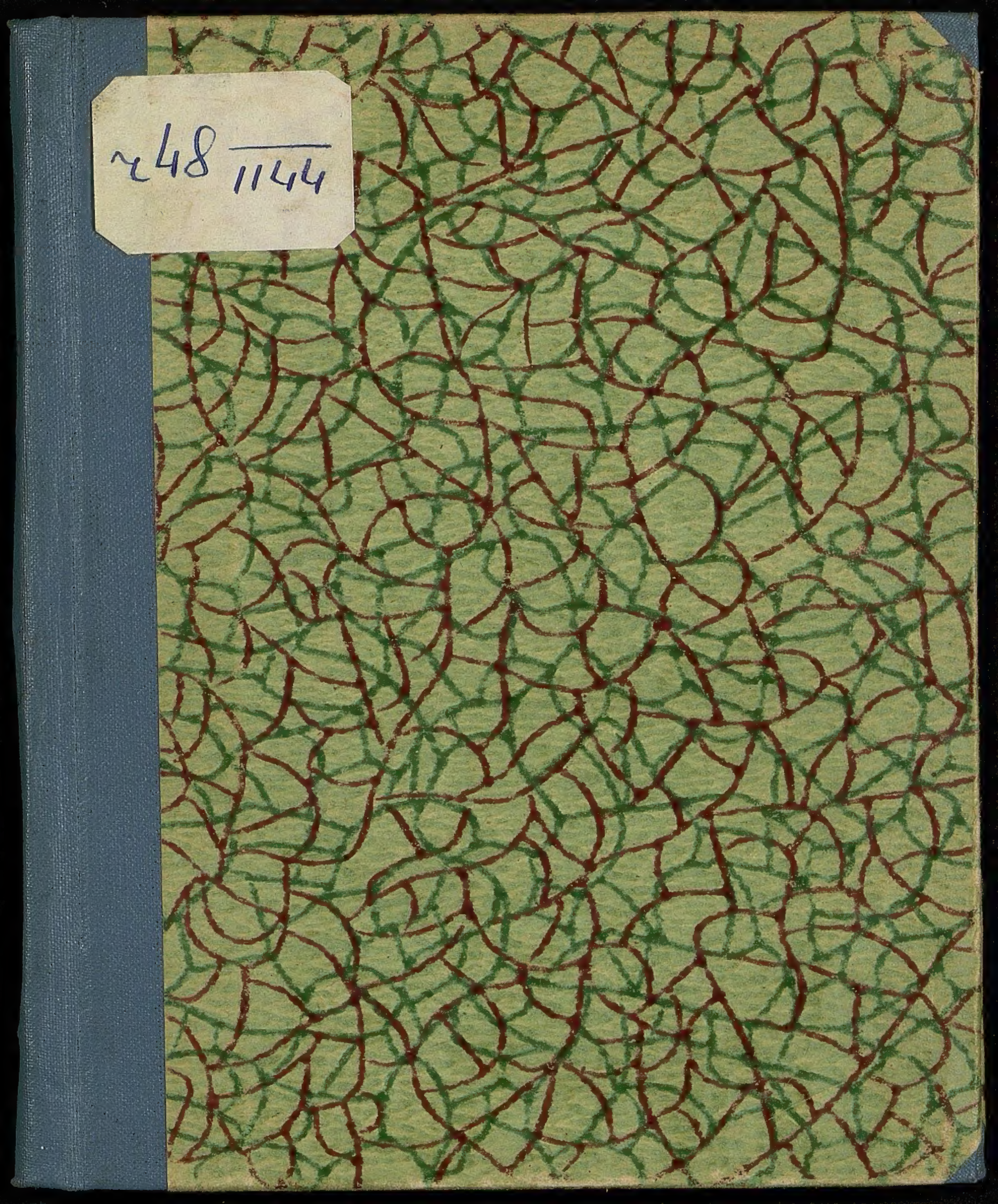
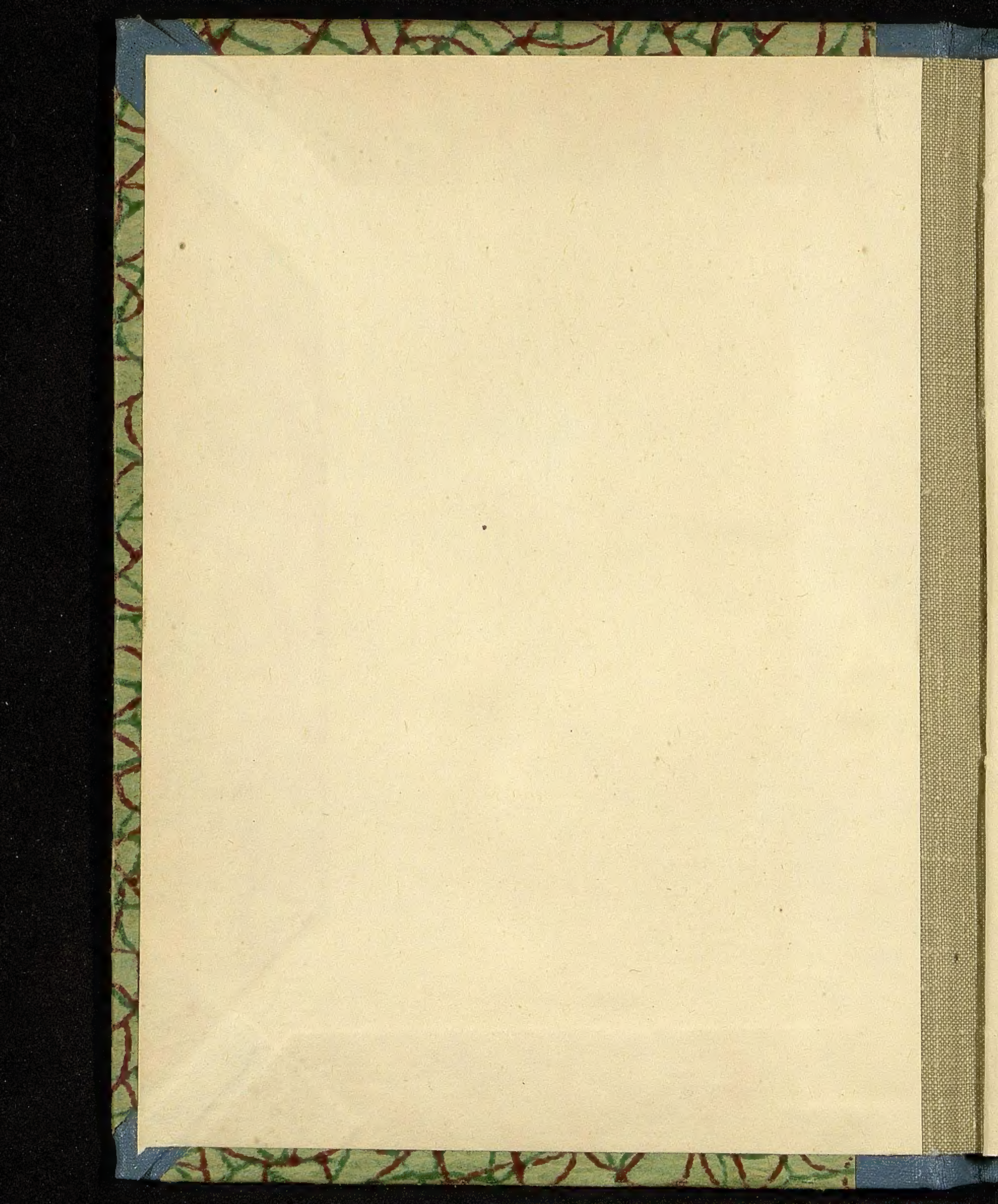

2 48 / 1144

А. КИРЖНИЦ

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО М.Г.С.П.С.
„ТРУДИКНИГА"
МОСКВА — 1925

Издательство МГСПС

„ТРУД и КНИГА“

Рабочее и профессиональное движение

Айнзафт, С. Рабочее движение в России до 1905 г., под ред. Ю. Милонова. Ц. 35 к.

Айнзафт, С. Рабочее движение в России 1905—1907 г., под ред. и с приложением статьи Ю. Милонова „Союзы и партии“ (печат.).

Гальперин, С. Профессиональные союзы Зап. Европы в годы войны, II изд. Ц. 40 к.

Гиринис, С. Что такое профессиональный производственный союз, 4 доп. изд. Ц. 17 к.

Гиринис, С. Ленин и профессиональное движение. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Гиринис, С. Ленин о спецах. Ц. 10 к.

Ленин и сельский пролетариат. Ц. 30 к.

За единство профдвижения. Сборник речей и статей. Ц. 60 к.

Киржниц, А. В годы империалистической войны. (Очерк рабочего движения в России). Ц. 60 к.

Маркузон, Д. Очерки труда и быта рабочих в Германии (печат.).

Путятин, А. Фабзавком и производство, под. редакц. А. П. Павлова. С приложением циркуляров и инструкций. Ц. 35 к.

Линеман. Выбор профессий (печат.).

Трамм. Исследование трудовых профессий, 2 изд. Ц. 70 к.

Гордон, Макс. Как изучать профессиональное движение. Ц. 50 к.

Попов, А. Д. Рабочее движение в странах Востока.
Вып. 1-й. **Китай,** с предисловием К. Радека. Ц. 75 к.
Вып. 2-й. **Япония** (печат.).

Рабочий в революции

Моршанская, М. Ткач Федор Афанасьев, историко-биографический очерк (распр.).

Чечановский, М. Петр Анисимович Моисеенко. Ц. 45 к.

Нечаев, Д. От деревни до профсоюза. Ц. 50 к.

Гордеев, М. Полвека унижений и борьбы (печ.).

А. КИРЖНИЦ

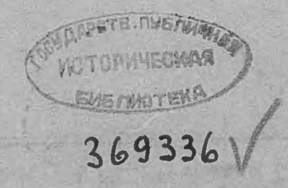
ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

Из-во МГСПС „ТРУД и КНИГА“
Москва—1925

Мосгублит № 17.008. Тираж 5.000.

Типография из-ва МГСПС „Труд и Книга“, Б. Якиманка, д. 32.

ОТ АВТОРА.

Почти все изданные до сих пор книжки и брошюры о ленских событиях построены, главным образом, на фактическом материале, собранном группой адвокатов, ездивших в Бодайбо на расследование, и опубликованном в книге «Правда о Ленских событиях». Книга же эта, изданная еще при царизме (в 1913 г.), естественно не могла дать всех тех материалов, которые необходимы для всестороннего освещения «ленских дней».

Во-первых, во время царизма далеко не все документы и материалы были доступны. Во-вторых, авторы «Правды», поставившие себе задачей усилить своей книгой ненависть к царизму и усугубить его вину за кровавую расправу с забастовщиками, естественно должны были кое-какие факты затушевать, а кое-какие совершенно скрыть. Так, например, они на протяжении всего своего введения изо всех сил стараются убедить читателя в том, что ленская стачка была исключительно экономическая, что никакие агитаторы из политических ссыльных к ней никакого отношения не имели, что никаких стачечных организаций у рабочих не было, что протекала стачка, как и возникла, стихийно и т. п.

С точки зрения интересов борьбы с царизмом такой подход к освещению ленских событий вполне понятен и в то время фактически был, пожа-

луй, и необходим. Но в настоящее время, при изучении **истории** Ленского движения, такое однобокое освещение его, конечно, совершенно недопустимо.

Чтобы восполнить образовавшийся, вследствие сказанного, пробел в нашем познании ленского движения в настоящее время поэтому необходимо, по возможности, полно и подробно выявить активность, сознательность и организованность рабочей массы и ее настроения в различные моменты и периоды стачки, установить главных руководителей движения роль, которую они играли в его организации и развитии, тактику и стратегию борьбы, созданный для связи с массами и руководства движением аппарат, проявлявшиеся временами разногласия между массами и руководителями и т. п. и т. д.

За годы революции материалов, которые позволили бы в известной степени осветить и эти моменты Ленского движения, накопилось уже немало. В различных сибирских газетах, преимущественно в горняцких районах, где осели многие из рабочих, покинувших после расстрела Ленскую тайгу, за годы революции опубликованно довольно много воспоминаний руководителей и рядовых участников ленской стачки. Кроме того, в вышедшей недавно в Бодайбо новой книге [1]) о ленских событиях приводятся, хотя и не полностью, весьма интересные и ценные воспоминания о стачке одного из главных ее руководителей, бывшего политического ссыльного Э. Думпэ.

---

*) Ф. С. Григорьев и Я. Е. Шапирштейн-Лерс: „К истории рабочего и революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе. „Ленское 9 января" — 4 апреля 1912 г. Издание Бодайбинского Районного Комитета РКП(б). Бодайбо 1924 г. 196 + 222 стр. Цена 5 руб.

Полностью собрать и издать все эти материалы, которые для будущего историка фактически будут главным источником для освещения тех моментов Ленского движения, которые до сих пор почти совершенно оставлялись в тени,—это неотложная задача комиссии по истории профессионального движения (Истпрофа) при ВЦСПС.

До тех же пор полагаем допустимым и нелишним познакомить, хотя бы с частью этих материалов, собранных автором во время пребывания в Сибири.

* * *

Предлагаемая брошюра, предназначенная для широкого массового читателя, стремится дать, по возможности, полный и законченный очерк Ленского движения, а потому автору пришлось широко использовать и хорошо известные материалы, преимущественно из той же «Правды о Ленских событиях».

Имея в виду, что наша молодежь—наиболее вероятный читатель брошюры—уж довольно туманно представляет себе условия пролетарской борьбы в обстановке царизма и внутреннюю связь между последним и капиталистами, автор считал необходимым эти моменты рельефно выявить и подчеркнуть.

Воспоминания рабочих и работниц—участников и руководителей стачки—автор стремился использовать возможно полнее. Они частью приводятся в цитатах, частью—использованы в тексте.

Дабы не разбивать внимания читателя, вместо подстрочных выносок, ниже дается перечень литературных источников, которыми автор пользовался.

В заключение считаем долгом выразить глубокую признательность т. т. Ф. Григорьеву и Я. Е. Шапирштейн-Лерс за присланные из Бодайбо

печатные материалы, а заведующему Сибирской Книжной Палаты т. В. Д. Вегману за ряд ценных библиографических указаний и предоставление комплектов сибирских периодических изданий за последние годы.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

«Правда о Ленских событиях». Издание Баташева. Москва 1913 г.; Ф. Григорьев и Я. Е. Шапирштейн-Лерс: «К истории рабочего и революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе», Бодайбо, 1924 г.; В. Ф. Плетнев: «Лена». Изд. «Пролеткульта», Москва, 1924 г.; М. Ольминский: «Из эпохи «Звезды» и «Правды». Изд. «Прибой», Петроград.; Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. сочин. т. XII. Госуд. Изд-во. Москва 1924 г.; В. Невский: «К десятилетию Ленского расстрела». «Красная Летопись», 1922 г. № 2—3. Петроград; Г. Лелевич: «Ленский расстрел», «Пролетарская революция», 1922 г. № 5. Москва; Н. Ростов: «Новое о ленских событиях; Ш. Левин: «К истории забастовки на ленских золотых приисках». «Былое». 1922 г. № 20. Петроград; «Ленские дни», однодневный журнал, посвященный 10-летию расстрела ленских рабочих. Бодайбо. 1922 г.; «Ленский шахтер», орган Райкома РКП, Райисполкома СРД, Райкома Горнорабочих. Бодайбо № 113, 17 апреля 1923 г.; «Известия Енисейского Губ. Комитета РКП (б.), 1923 г. № 4 апрель. Красноярск; «Красноярский Рабочий», орган Енис. Губкома РКП (б.), Губисполкома и Губпрофсовета. 1924 г. № 87. 17 апреля; «Красное Знамя», орг. Томского Губкома РКП и Губисполкома. 1924 г. 17 апреля.

А. К.

Ленская годовщина.

„О, братья, проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!“
Демьян Бедный.

4 (17) апреля—одна из исторических годовщин пролетариата СССР.

В этот день рабочие массы Советского Союза воскрещают в своей памяти одну из наиболее скорбных страниц своего столь богатого кровью прошлого.

В этот день, 13 лет тому назад, в далекой, суровой сибирской тайге разыгралась кровавая пролетарская трагедия. Пять тысяч рабов капитала, не захотевших дольше терпеть его гнет, были по приказу царских опричников—прислужников капитала, встречены ружейным огнем и оставили на месте до 500 убитых и раненых.

Кровь убитых и замученных 4 (17) апреля рабочих после победоносной Октябрьской революции отомщена, а главное—последняя навеки уничтожила те условия, при которых подобные расправы с трудящимися имели и могли иметь место.

Но этот день все-таки остался и останется памятным рабочему классу, он не забыт и не будет забыт.

Из года в год мы в этот день мысленно переносимся в мрачное прошлое господства царизма и капитала, восстанавливаем в своей памяти кош-

марные картины порабощения рабочего класса, героической и мужественной борьбы его против своих угнетателей, славные победы и тяжелые поражения, которыми так богата история пролетариата России.

Пусть эти строки помогут нашей пролетарской молодежи лучше разобраться и уяснить себе глубокий смысл «ленских дней», которые являются великим и поучительным уроком борьбы труда с капиталом.

Таежная деспотия международного капитала.

Для лучшего уяснения причин, вызвавших ленские события и кровавую развязку их, необходимо, хотя бы в общих чертах, познакомиться с их главным виновником—ленским золотопромышленным товариществом, которое сокращенно называлось «Лензото».

Возникнув в 1861 году под названием «Ленское товарищество», оно в 1882 г., когда большинство паев перешло к барону Гинзбургу и Торговому Дому «Мейер и К-о», преобразовалось в «Ленское золотопромышленное товарищество», которое стремилось сосредоточить в своих руках всю ленскую золотопромышленность.

К концу 1896 г. «Лензото» являлось уже владельцем самых богатых приисков в Олекминском округе, а деятельность его уже начала распространяться и на район реки Бодайбо в Витимском округе.

Преобразовавшись в 1897 г. в акционерное общество «Лензото», оно благодаря свежему притоку средств от продажи акций и щедрому кредиту со стороны царского Госбанка, получило воз-

можность взять в аренду все прииска бывшей «Бодайбинской К-о», а в 1910 году, после перехода больше половины акций к английским капиталистам, оно приобрело за $5^1/_2$ милл. рублей все прииска «К-о промышленности в Восточной Сибири». Годом раньше к «Лензото» перешла приисковая железная дорога, а также пароходство по р. Витиму.

К концу 1910 года «Лензото» закончило собирание приискового дела и стало фактически монопольным владельцем его во всем Витимо-Олекминском районе. Владения «Лензото» к этому времени округленно выражались в 425 приисков с общей поверхностью в 39.000 десятин, железной дороге в 60 верст, пароходстве по Витиму и Лене и т. п.

В это время «Лензото» уж было весьма прибыльным предприятием, дававшим своим владельцам огромные барыши, которые из года в год росли и увеличивались, достигнув в 1910 году довольно кругленькой суммы в 6.812.925 руб. Но до 1904 г. товарищество несло убытки, вследствие предварительных затрат на техническое оборудование приисков. В этот период товариществу временно приходилось довольно туго и не исключена возможность, что оно совершенно погибло бы, если б ему своевременно не приходило на помощь щедрыми кредитами царское казначейство, временами больше чем в 10 миллионов рублей.

Более чем благосклонное отношение царского правительства и его чиновников к «Лензото», пользовавшегося всевозможными льготами и привилегиями, вполне понятно.

Во-первых, «Лензото» было крупнейшим золотопромышленным предприятием, дававшим около четверти всей годовой добычи золота в России.

Покровительствовать «Лензото», следовательно, означало «благоприятствовать развитию отечественной золотопромышленности». Во-вторых, крупный чиновник царского госбанка Бояновский в то же время состоял директором «Лензото», а главноуправляющий промыслами последнего, И. Н. Белозеров, стоял весьма близко к министру торговли и промышленности Тимашеву и финансов—Витте. Такая близость главных заправил «Лензото» к государственной казне и власти не могла, разумеется, не отразиться самым благоприятным образом на делах и положении предприятия, которое вскоре действительно сосредоточило в своих руках всю полноту власти в обширном крае.

Подобное положение «Лензото» было достигнуто такой «хитрой механикой».

Согласно царским законам, золотопромышленники обязаны были вносить «пособие» казне на содержание полиции и ряда других учреждений в районе нахождения их приисков. Обыкновенно «пособие» это вносилось советом с'ездов золотопромышленников, который уже раскладывал эти суммы между отдельными предприятиями. В районе же деятельности «Лензото», где последнее было единственным владельцем, совет с'ездов был упразднен, всю причитающуюся сумму вносило само «Лензото», но зато к нему фактически перешла и вся власть над краем.

За подачку в 150—200 тысяч рублей в год «Лензото» имело в своем распоряжении и полицию, и суд, и тюрьму, и церковь, и почту, и больницы, и кладбища.

«Лензото» содержало на свои средства: горно-полицейскую стражу, обеспечивая ее помещением, отоплением, освещением, пищевым и фуражным довольствием; места заключения, или проще го-

воря, тюрьму и каталажки, а также и чинов тюремного управления и двух мировых судей; оказывало пособие квартирами двум окружным горным инженерам и двум исправникам; содержало правительственное почтовое сообщение между с. Витимом и г. Бодайбо; участвовало в расходах по содержанию и пересылке арестантов, раз'ездам должностных лиц, ремонту дорог, содержанию больниц и приютов, церквей, священников и т. п.

Если к этому еще прибавить, что «Лензото» принадлежали железная дорога и пароходство по р. р. Витиму и Лене, что оно также являлось единственным поставщиком продуктов питания и предметов первой необходимости для всего приискового населения, то нетрудно будет представить себе, в какую неограниченную зависимость попадали все рабочие приисков: они становились буквально рабами товарищества и его администрации, которые могли их казнить и миловать. Жизнь и смерть всех попадавших в цепкие лапы ленских капиталистов были действительно в их руках.

На первых порах кое-кто из наиболее наивных представителей горного надзора пробовал было обращать внимание центрального правительства на совершенно исключительное положение, создавшееся захватом «Лензото» всего и вся в крае.

В своем отчете за 1910 год горный инженер К. Тульчинский писал своему высшему начальству:

«Ленское Т-во стало теперь единственным вершителем судеб обоих соседних Витимского и Олекминского горных округов в отношении добычи золота; оно является единственным владельцем местного железнодорожного пути и главным властителем в торговом мире на приисках и

в пароходном деле по р. Витиму и частью по реке Лене и, наконец, оно осталось здесь единственным рынком для спроса рабочих рук и единственным покупателем всех сельско-хоз. продуктов обширнейшего Приленского края от Якутска до Балаганска».

Даже иркутский губернатор, после своего посещения в 1911 году Ленского района, указывал в своем докладе генерал-губернатору на возможность вспышки недовольства рабочих. Во время же забастовки он писал:

«Надо видеть на месте, своими глазами убедиться в условиях жизни данного района, принять во внимание все совершенно исключительные условия, чтобы понять, что такое «Лензото» и его власть в районе».

Как реагировали «высшие сферы» на эти указания своих ответственных представителей на месте?

Центральные власти открыто и с невероятным цинизмом стали на сторону международных капиталистов, а своим чиновникам приказывали не совать носа, куда не следует...

В ответ на вышеприведенные указания инженер Тульчинский получил из министерства торговли и промышленности следующее совсем недвусмысленное отношение:

«До сведения г. министра дошло, что деятельность ваша по осуществлению горного надзора ставит Ленское Т-во в очень тяжелые условия, которые создались, повидимому, главным образом, потому, что, исполняя свои обязанности в той их части, которая касается охранения и защиты интересов рабочих, оставаясь при этом на чисто формальной почве требований закона, вы в то же время почти

совершенно игнорировали интересы предприятия. Подрывая престиж и дисциплину в дальней тайге, вы восстановили против себя всех старших служащих». Отметив далее, что министерство питает полное доверие к лицам, стоящим во главе дела, даже в смысле «надлежащего урегулирования отношений между предприятием и рабочим», отношение еще раз подчеркивает необходимость «не игнорировать интересов предприятия».

Такова вкратце та сила, с которой столкнулись в 1912 году раз'единенные и в огромном своем большинстве отсталые рабочие ленских приисков, которые все же геройски выдержали четырехмесячную неравную борьбу.

Приисковый пролетариат.

Что же представляла собою пролетарская армия тайги?

По официальным данным, на 1 января 1912 года на всех приисках числилось 6.655 рабочих.

Более подробные сведения, собранные анкетным путем летом того же года, имеются относительно 4.383 рабочих.

Из этого числа больше половины, а именно 2.506 чел., прибыли на прииска из различных губерний Европейской России, а остальные 1.874 человека—из различных местностей Сибири.

По возрасту рабочие распределялись так: до 21 года—198 чел., от 20 до 31—1.928 чел., от 30 до 40—1.252 чел., от 41 до 50—253, старше 50 лет—22, не дали сведений о возрасте 730.

Другими словами, почти три четверти всех рабочих были в цветущем возрасте от 21 до 40 лет,

так как невероятно тяжелые условия жизни и работы на приисках были под силу только молодым и здоровым.

По семейному положению было зарегистрировано: холостых 1.178 чел., семейных 3.196 чел. Последнее обстоятельство, как увидим дальше, крайне ухудшало положение рабочих, так как администрация запрещала рабочим привозить с собою на прииска семьи, а члены семейств—жены, дочери, подростки,—попадавшие на запретную для них территорию приисков, оказывались в ужасных условиях: администрация, согласно условиям найма, приобретала над ними почти неограниченную власть.

Культурный уровень ленских рабочих, если судить по их грамотности, был не особенно высок. Из 3.626 чел., давших сведения о своей грамотности, было грамотных 1.826 чел., неграмотных 1.808 чел.

Приисковые рабочие представляли собою довольно текучий элемент. Долго выдержать каторжные условия труда у «Лензото» могли немногие. И невзирая на необычайно тяжелые условия передвижения по гиблой тайге, возможность выбраться оттуда только в определенное время года и необходимость для этого значительных средств, рабочие все же долго не задерживались на приисках и при первой возможности покидали их.

Как видно из данных анкеты, только около четверти всех рабочих работали на приисках свыше четырех лет, больше трети—меньше одного года и несколько меньше половины—от 2 до 3 лет.

Ленские рабочие до забастовки 1912 года особых признаков классовой сознательности и стремления к профессиональному об'единению не про-

являли. В неравную борьбу с сильным и хорошо организованным капиталом они, следовательно, вступали неподготовленными.

„Вольная" каторга на приисках.

После кровавой расправы с ленскими рабочими, вызвавшей сильнейшее возмущение рабочего класса всей страны, заправилы «Лензото» и их прислужники из царских чиновников старались представить дело так, как будто никаких сколько-нибудь основательных причин для об'явления забастовки у рабочих не было. Забастовали же они исключительно под влиянием «злонамеренных агитаторов» из политических ссыльных, которые якобы с самого начала поставили себе целью спровоцировать кровопролитие и этим вызвать «смуту» во всей стране.

Эту версию поддерживал в государственной думе царский министр Макаров, который в ответ на запрос социал-демократической фракции по поводу ленского расстрела изрек свое знаменитое и увековечившее его черную память: «Так было, так будет». Эту же версию старались внушить «общественному мнению» и подкупленная «Лензото» буржуазно-капиталистическая печать.

В действительности же главные причины, вызвавшие ленских рабочих на неравную борьбу, заключались именно в тех невероятно тяжелых экономических и правовых условиях жизни и работы, в которые «Лензото» при участии и содействии царизма поставило своих рабочих.

Каковы же были условия жизни и труда на ленских приисках накануне забастовки?

По официальным документам и материалам, собранным на месте во время забастовки и опубликованным в книге «Правда о Ленских событиях» и по воспоминаниям бывших рабочих и работниц, помещенным в различных сибирских газетах, положение представлялось в таком виде.

Договор найма. Условия жизни и труда рабочего в течение всего срока найма определялись особым договором, который подписывался каждым рабочим. И этот договор был составлен и средактирован таким образом, что все существовавшие на бумаге законы и правила, якобы защищавшие интересы рабочих, фактически сводились к нулю, а рабочие находились в полной зависимости от произвола приисковой администрации. «Рабочих на прииска обыкновенно принимал становой,—читаем в отрывках из воспоминаний бывших ленских рабочих, помещенных в газете «Ленский Шахтер»—перед рабочими ставились условия, несмотря на его квалификацию, ни от какой работы не отказываться; оплата труда—согласно его сдельному заработку; за работу—расплата продуктами и предметами широкого потребления, а также одеждой по базарным ценам с наценкой расходов по приисковой лавке. Кроме этого, задавался целый ряд циничеcких вопросов:—«Когда будешь жениться?» и «если будешь, то непременно спросись у станового». А если рабочий женатый, то: «Красива ли у тебя жена? Сердита, или нет?, и целый ряд других совершенно беззастенчивых вопросов».

Сроком найма являлось 10 сентября, т.-е. начало осенней распутицы, когда из ленской тайги уж почти нельзя выбраться до установления санного пути. Другими словами, рабочий, который хотел бы по окончании срока найма оставить

приска, в большинстве случаев не мог этого сделать, так как до установления санного пути он проел бы весь свой «капитал», необходимый для проезда, должен был бы оставить хозяйскую квартиру, израсходоваться на теплое платье и т. п.

Дальше договор обязывал рабочего исполнять «всякого рода горные, цеховые и домашние работы на приисках и резиденциях «Ленского Т-ва», ни в коем случае не позволяя себе отказываться от порученной работы».

В практике «Лензото» этот параграф широко использовывался, как мера воздействия на неугодившего или строптивого рабочего. В суровый зимний мороз такого рабочего нарочно ставили на наружные работы, высоко квалифицированных горняков переводили на черную, плохо оплачиваемую, работу и т. д. При чем наличие в договоре пункта, по которому квалифицированный рабочий не мог быть назначен на другую работу, помимо своей специальности, совершенно игнорировался администрацией, благо она предусмотрительно оставила себе лазейку, в виде примечания, позволявшего это сделать в тех случаях, когда «специальность данным лицам недостаточно известна».

«Бывали артели (артель на приисках—летом на песках—8 человек, зимой и летом в шахте артель—3 человека),—рассказывается в «Ленском Шахтере»,—которые, вследствие подбора особо энергичных и сильных людей, зарабатывали, вместо обыкновенных 1 р. 65 коп.—2 руб. 50 коп. и до 3 р. 50 к. Такие артели смотритель шахты переводил в забои или сыпучие, или же со сплошной сливкой скалой, где работать сдельно абсолютно не было возможности. Рабочие здесь зарабатывали по 23, по 27 и до 35 коп. в день (рабочий день

на приисках, в шахтах и наверху был 10½ час.), а смотритель иронически замечал: «А ну те-ка, ребята, размахнитесь здесь со всего богатырского плеча». Что оставалось рабочему делать?—Конечно, молчать и дожидаться, когда золотой подземный бог сменит гнев на милость и пошлет опять в хороший забой, где можно действительно размахнуться и заработать до 2-х рублей».

Рабочий день договором устанавливался с 1 апреля до 1 октября в 11½ часов, а с 1 октября по 1 апреля в 11 часов, не считая обеденного перерыва. Ночная смена работала 10 часов.

Но фактически, как рассказывают в «Ленском Шахтере» рабочие, «рабочий день продолжался от 11 до 14 часов, а со сверхурочными работами и долее; в летнее время работали с 3 утра до 8 вечера... Малолетних приисковое управление заставляло работать по 10 часов в сутки (даже и ночью); если же мальчики работали при лошадях, то их рабочий день был и больше 10 часов».

Пункты договора, определявшие условия отдыха, дни праздников, пользование сверхурочными работами и т. п., были сформулированы так, что администрации фактически была предоставлена полная свобода, и она могла на «законном основании» заставлять рабочих работать, когда и сколько ей было угодно. И она этим правом пользовалась во-всю. Из доклада горного надзора видно, что число рабочих дней в году на одного рабочего колебалось от 310 до 312, в то время как по закону оно не могло превышать 260.

«На приисках летом,—вспоминают рабочие в «Л. Ш.»,—когда идет более спешная промывка золота, отдыхать рабочим дают только 2 раза в месяц—1-го и 15-го, независимо ни от каких празд-

ников. Такой период продолжается от 1-го июня до 1-го октября или от 1-го мая до 1-го сентября (в зависимости от климатических условий)».

Параграф 19 договора гласит, что рабочие до окончания его срока не имеют права требовать расчета без особо уважительных причин. Управление же может уволить рабочего во всякое время: а) за неспособность к работе, б) неявку на работу более трех дней сряду без уважительных причин, в) за леность, г) за дерзость или дурное поведение, д) в случае обнаружения заразительной болезни, е) за сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение со стороны рабочих в чем-либо настоящего договора.

Таких и подобных параграфов в договоре было 53, и все они вместе взятые связывали по рукам и ногам рабочего, делая из него бессловесную, беззащитную и покорную тварь, которая беспрекословно должна выполнять волю жадных капиталистов и их ретивых прислужников.

Еще не попав в лапы золотопромышленников, с момента приезда на приисковую почву, рабочий уже встречал такой откровенно издевательский прием, что перед ним с несомненной ясностью тотчас же вырисовывалась картина его будущей безотрадной жизни.

«У окон конторы,—вспоминает в «Красноярском Рабочем» бывший «лензотовский» рабочий Анучев,—человек 500 ищущих работы. Ждут, когда появится в окне плотная фигура управляющего, чтобы всей толпой броситься, попасть на глаза, устроиться на работу. Слыхали, что подбираются рабочие по виду, по росту—на глаз.

Открылось окно.

— «Эй, ты, красная рубаха! Подходи, давай паспорт!—выкрикивает управляющий.

«Посмотрит документы, расспросит. Наняв таким порядком 5—10 человек, захлопнет окно.

«Целыми месяцами просиживали рабочие у конторы—ждали очереди. На службу не берут, выехать обратно—нет средств».

Заработная плата. Обездоленную массу тружеников влекло в «гиблые» места на каторжные условия работы манящее слово «золото», баснословные заработки на приисках, о чем распространяли слухи агенты «Лензото».

Но, приехав на место, т.-е. фактически попав уже в кабалу, рабочие убеждались, что заработки здесь вообще довольно мизерные. Мечты же о золоте, о возможности легко и быстро разбогатеть в суровой действительности приисковой жизни мигом испарялись.

60 процентов всех рабочих «Лензото» зарабатывали в месяц не более 40 рублей. И только меньшинство, высококвалифицированные рабочие, в роде слесарей, монтеров, машинистов и т. п. выколачивали до 90 руб. в месяц.

Но и эти небольшие заработки целым рядом хитрых махинаций еще более уменьшались.

Во-первых, около четверти всего годового заработка управление выдавало рабочим лишь по окончании срока найма. В течение всего года рабочие до трех четвертей зарплаты получали не наличными деньгами, а талонами, которые при нужде в наличных деньгах с значительной уступкой продавались скупщикам. Сколько рабочие теряли на «операциях» с талонами, трудно сказать. Но зато совершенно точно установлено, что на обязательных покупках в магазинах «Лензото» все рабочие в течение года переплачивали 277 тыс. руб.,

что составляет 9 процентов всей суммы зарплаты, выплачиваемой «Лензото». Иначе говоря, действительный заработок каждого рабочего понижался на 9 процентов.

Во-вторых, заработок горняков был снижен чуть ли не на целых 30 процентов произвольным и незаконным увеличением норм выработки— с 3 до 4 куб. аршин песку в день.

В-третьих, администрацией широко практиковались обмеры сделанной работы, в расчетные книжки часто вносилась лишь часть ее, что при неграмотности половины рабочих представляло широкое поле для злоупотреблений. Тем более, что подсчет своего заработка в книжке рабочий видел только в конце месяца, т.-е. когда у него не могло быть никаких доказательств, что он в действительности сработал больше, чем указано в книжке.

«Работает рабочий и не знает, сколько он выработал—расчетная книжка в конторе—рассказывает в томском «Красном Знамени» крестьянка Валова, бывшая в 1912 году на присках,—по расчету как будто рублей 100 заработал, а глядишь— всего 40. Справиться негде, концов не найдешь. Да и эти 40 рублей дадут не деньгами, а талонами в хозяйственную лавку, а там сдерут с рабочего втридорога».

Так всякими неправдами, видимо и невидимо администрация снижала зарплату, не останавливаясь перед открытом обманом и мошенничеством.

Рабочее время. Выше уже было отмечено, как в нарушении даже царских законов «Лензото» у себя установило непомерно длинный рабочий день. Но для ненасытных капиталистов этого было мало. По требованию администрации, рабочие должны были выходить на раскомандировку

за час до свистка. Рабочим, опоздавшим на раскомандировку, день записывался прогульным, и они должны были его отработать в праздник за обыкновенную плату. Опоздание иногда влекло за собою и другие наказания, например, перевод на более тяжелую и хуже оплачиваемую работу и т. д.

По договору рабочим полагался двухчасовой перерыв на обед, но не менее 40 минут из этих двух часов приходилось затрачивать на под'ем и спуск в шахты, а около 20 минут отнимала ходьба из шахты в казарму и обратно.

По окончании работ, после свистка, рабочие нередко должны были оставаться в шахтах, чтобы класть, так наз. пожоги (костры для оттаивания породы), что также отнимало лишних 15 минут.

Сверхурочные работы (вечеровки) назначались без соглашения с рабочими, продолжались они 2—3 часа в день, при чем иногда они не оплачивались.

В праздники рабочих заставляли работать принудительно, но праздничного вознаграждения (полуторной платы) они почти никогда не получали, так как праздничная работа в подавляющем большинстве случаев зачислялась в счет прогульных дней.

«Бороться против этого,—заявляет один из рабочих в своих показаниях адвокатской комиссии,—не было возможности, та́к как табелей не существовало, а журнал, который вел заведующий мастерской, хранился у него же в строгой тайне. Кроме того, мы не решались спорить еще потому, что боялись расчета среди зимы».

Атмосфера полного произвола, которая царила на ленских приисках, таким образом, еще более сгущалась принудительными праздничными и сверхурочными работами, которые сильно подры-

вали здоровье рабочих, почти нисколько не увеличивая их заработка.

Технические условия труда. Хищнические приемы эксплоатации тысяч тружеников особенно ярко сказывались на технических условиях труда на приисках «Лензото».

Желая с'экономить на досках, необходимых для устройства выкатов, администрация пользовалась для этого старыми и избитыми досками, взятыми из отработанных шахт. Внутри шахт песок отвозился на ручных тачках, вместо того, чтобы пользоваться лошадиной или механической силой. Рабочим приходилось до 150 саженей везти тачку с 7—8 пуд. по тряской дороге, при чем три четверти груза висело на руках. Из-за плохого освещения штолен бывали столкновения тачек.

Рабочим нередко приходилось оттаивать мерзлую породу кострами из угля. Из-за отсутствия вентиляции, часто бывал настолько сильный угар, что рабочие должны были подниматься на поверхность, чтобы отдышаться. Имели место и такие случаи, когда угоревших рабочих приходилось замертво вытаскивать из шахт.

Во многих шахтах вода лилась сверху и с боков. По положению, для работы в таких шахтах должна была выдаваться непромокаемая одежда, но это положение почти никогда не соблюдалось.

Для взрыва скал администрация выдавала динамит такого низкого качества, что выделяемые им в изобилии газы вызывали сильную тошноту и головокружения. Работы с динамитом производились голыми руками (полагались гуттаперчевые перчатки), вследствие чего бывали случаи отравления динамитом. Рабочий, приготовлявший динамитные запалы, через шесть месяцев заболел прогрессивной атрофией спинного мозга.

При шахтах не было ни раздевален, ни сушилок. Шахтеры в чем приходили, в том уходили с работы. В 40-градусный мороз мокрая одежда буквально замерзала.

Техническое оборудование шахт было таково, что рабочие находились постоянно под смертельной опасностью: страх обвалов и осыпей, несчастные случаи от падающих камней, или при спуске в шахты. Особенно было опасно последнее, так как при плохом освещении и пользовании при спуске простыми лестницами, рабочие довольно часто срывались и падали вниз, или же у них из рук выпадали инструменты и ранили ниже находившихся товарищей.

«Внутри шахты, т.-е. место работ,—показывал один из рабочих адвокатской комиссии,—освещалось электричеством, но провода были голые и очень часто рабочие, случайно во время работы прикоснувшись к проводам, получали увечья: намокнет шляпа—прикоснешься, ударит в голову—и сорвешься».

«Освещение шахт было слабое, на спуск в шахту было 2 лампочки на 17—18 саженей, а часто и совсем не было, приходилось спускаться в темноте».

«В забоях работало 4 человека с 2-мя восьмериковыми свечками. Ранее, до Белозерова, выдавались четвериковые свечи, затем—шестириковые, а впоследствии—восьмериковые».

К каким результатам приводили существовавшие на приисках технические условия труда, можно отчасти судить по следующим фактам:

На одном Феодосиевском прииске амбулатория за 5 месяцев приняла 4.915 больных, при общем количестве рабочего населения, включая семьи, в 3.370 человек.

В 1911 году даже по далеко неполным и сознательно уменьшенным данным горного надзора, на 5.442 рабочих было 896 несчастных случаев, в том числе 7 со смертным исходом.

Медицинская помощь. В полном соответствии с описанными техническими условиями труда, которые вызывали массу несчастных случаев и порождали различные болезни, находилась и медицинская помощь на приисках.

По положению, прииска с их шеститысячным рабочим населением должны были обслуживать, по меньшей мере, пять врачей. На самом же деле на службе у «Лензото» были лишь один врач, который должен был наблюдать за четырьмя больницами и четырьмя приемными покоями, разбросанными по довольно значительной территории, часто на расстоянии 10—30 верст друг от друга.

Ревизия больничного дела на приисках, произведенная в мае 1912 года, обнаружила весьма безотрадное положение. Заразная, сифилическая и палата для умалишенных находились в одном помещении; ванной вовсе не оказалось; аптека очень тесна; приготовление отваров и настоев производилось в комнате служителя, также очень тесной; белье хранилось вместе с пищевыми продуктами; посуда оказалась невылуженной; в кровати одной больной рожей был обнаружен ее десятимесячный здоровый ребенок и т. п. и т. д.

Весьма колоритное описание постановки медицинской помощи на приисках и отношения «лензотовских» врачей к рабочим дали последние в своем заявлении на имя иркутского генерал-губернатора.

«Медицинская помощь,—писали рабочие,—не оказывалась своевременно. Тяжко больным рабочим никогда не оказывалась помощь на месте

заболевания, и администрация даже не давала лошадей для отвоза тяжко больного (в больницу).

«Детей, заболевших корью, дифтеритом, скарлатиной и другими заразными болезнями, в больницу не принимали, а лечили в общежитиях. На легкие болезни медицинский персонал совершенно не обращал внимания; таким больным, не выслушивая, прямо давали порошков или капель, которые никакой пользы, конечно, не приносили. В ночное время медицинская помощь совершенно отсутствовала, и если рабочий получал увечье в ночной смене, он лежал без помощи до 9 часов утра».

«Незадолго до забастовки,—сообщает горнорабочий Мальцев, в «Известиях Енисейского Губкома»,—одного больного рабочего в приемном покое затащили в ванну и облили холодной водой, как пьяного. Он простудился и умер, оставив четырех детей».

Зато приисковые врачи были чересчур «внимательны» к увечным рабочим, когда надо было определить степень потери трудоспособности. Памятуя хорошо, чей хлеб они едят, приисковые врачи обыкновенно так долго и «внимательно» осматривали и выслушивали свидетельствуемых, что в большинстве случаев они потерю трудоспособности вовсе не обнаруживали... Такой случай имел, например, место при освидетельствовании 24 рабочих, у которых вслед затем городской и даже правительственный врачи установили потерю трудоспособности в размере от 15 до 50 и даже 80 процентов.

Так человеколюбива и беспристрастна была к рабочим «позолоченная» приисковая медицина.

Жилищные условия. Казармы, в которых ютились рабочие со своими семьями, не представляли собою исключения из общих условий жизни

на приисках. Стены многих казарм покривились и поддерживались подставками; стены и крыши были продырявлены, вентиляцию заменяли огромные дыры в стенах, заткнутые всяким тряпьем, или окна с разбитыми стеклами. В некоторых из жилых казарм помещались и конюшни, отделявшиеся от жилых помещений тонкой досчатой перегородкой, вследствие чего вода и жидкий навоз нередко просачивались в жилища рабочих.

Внутренность казарм вполне гармонировала с их внешним видом. Досчатые стены перегородок не достигали потолка. Дверей не было. Под потолком ситцевый навес для защиты от постоянно сыплющегося с потолка песку.

«Все рабочие и их семьи,—читаем в «Ленском Шахтере»,—жили на казарменном положении, т.-е. никаких изолированных особых комнат не полагалось, при чем для холостого полагалось для койки в казарме полтора аршина, а для семейного два с половиной аршина ширины. Семейный рабочий имел право ситцевой ширмой (если он имел возможность купить до 50 арш. ситцу) обтянуть свое гнездо. Кроме того, за малейшее нарушение дисциплины, если оно выражалось в одном или двух прогулах в месяц, в ссорах между рабочими и их семьями, в оскорблении словами начальства, несоблюдении чистоты,—семейный лишался своей широкой койки, и его переводили на холостую, несмотря на численность семьи из 5—6 человек»...

«В одной казарме помещалось до 300 человек, посредине которой ставилась небольшая железная печь. Здесь спали, ели, сушили белье, хранили пищевые припасы. Зимой в таких помещениях 1 куб. сажень воздуха (на человека. А. К.) считалась роскошью; о летнем же времени не

приходится и говорить, рабочих на приисках скоплялось тогда в несколько раз более».

Семейные и холостые в этих казармах помещались вместе в общей комнате—как об'яснял Белозеров губернатору Банташу,—исключительно для развития... идиллической солидарности.. Надо заметить,—пояснял Белозеров,—что правление сознало это неудобство, но допускало его в интересах самих рабочих. Жены рабочих готовили для холостых пищу, обшивали и вообще обслуживали их, за что получали, конечно, известное вознаграждение...

Казармы были настолько переполнены, что часть рабочих вынуждена была жить в коридорах.

Пол в казармах дырявый, стены просвечивают. Неудивительно, что зимою в них холодно как на улице: оставленные на полу промоченные сапоги за ночь смерзались.

Отоплялись казармы огромными плитами, на которых также готовили обед. Зимою они не согревали достаточно, а летом от них стояла невыносимая жара.

«Рабочие с шахт приходили мокрые, неоднократно приходилось ставить ноги в ушат с горячей водой, чтобы оттаяли сапоги, иначе их нельзя было снять. Тут же варилась пища. Над плитой развешивалась мокрая одежда, сапоги; спали тут же на нарах... Бывали случаи, когда волосы примерзали к подоконнику во время сна... В случае эпидемии ничто не спасло бы от смерти тысячи рабочих, живших в ужасной тесноте и грязи в бараках с женами и детьми»,—вспоминает былую жизнь в бараке рабочий Е. Буревиц,—один из руководителей стачки.

Продовольственное дело. Снабжение приисковых рабочих также было поставлено из рук вон плохо и служило источником для постоянного недовольства рабочих.

Золотопромышленники обязаны были заботиться о том, чтобы рабочие не терпели продовольственных нужд. Администрация же «Лензото» истолковала это положение в свою пользу. Она открыла ряд торговых заведений в приисковом районе и заставляла рабочих брать товары исключительно из своих магазинов. Пользоваться частными торговыми заведениями, имевшимися в небольшом количестве недалеко от приисков, рабочим и их семьям было строжайше воспрещено. Прииска были окружены плетнем, возле которого были поставлены стражники. Рабочих и членов их семейств, пытавшихся пробраться в частные лавки, стражники заносили в особые списки, в результате чего нередки были увольнения с работы.

Администрация своей «продовольственной политикой» преследовала определенную цель—увеличить барыши акционеров. Средний годовой оборот приисковой торговли равнялся $1^{1}/_{2}$ милл. руб., а чистая годовая прибыль нередко превышала 250 тысяч рублей.

Для рабочих дело было, однако, не только в лишних барышах, которые из них выколачивала администрация. Если продовольственный вопрос играл такую большую роль в возникновении и ходе ленской забастовки, то это об'ясняется тем, что он действительно был поставлен хуже худшего.

Так называемые «артельные кухни», где ежедневно выдавались продукты питания, находились в ужасном антисанитарном состоянии.

Мясо рабочие получали худших сортов, часто вместе с нес'едобными частями, с различными «болячками», что вызывало массовые заболевания.

«Дух от мяса,—заявил в своем показании рабочий З,—был такой плохой, что бывало в номер (казарму) нельзя зайти, когда оно варится».

«Выйдешь из «артельной кухни»,—жаловался рабочий Б.,—и иной раз выбросишь мясо».

Жаловаться на плохое мясо, отказываться брать его нельзя было. На жалобы приказчики грубо отвечали: «Не хочешь, не бери. Ты дома и такого не видал, раз тебе записали в книжку, то бери, а то пусть валяется, а с тебя все равно вычтут».

Тоже и с хлебом. Хлеб выдавался черствый, из непросеянной муки. В хлебе часто попадались «начинки» из песку, рогожных тряпок, конского кала, навоза и т. п.

Капусты, столь необходимой рабочим, в виду свирепствовавшей среди них цынги, вообще выдавали мало, да и ту частью приходилось выбрасывать, так как она в пищу почти не годилась.

«Рыба, по образному выражению одного рабочего, и сырая была похожа на вареную—расползалась, когда ее брали»...

Недоброкачественность выдававшихся рабочим продуктов дополнялась недобросовестностью их отпуска, что в своих показаниях подтвердили даже некоторые из низших служащих.

«Он (старший приказчик по выдаче продуктов),—заявил в своих показаниях помощник его,—требовал обвешивать народ, говоря, что без обмера товаров не хватит. В весах, на той скале, где товары кладут, положишь в цепь два-три небольших гвоздя—никто не увидит, а глядишь—на 2—3 золотника тяжелее становится, свесишь

сто раз в день, на 200—300 золотников обвес и получается».

Все это вместе взятое—насильственное навязывание продуктов, недоброкачественность их, обмер и обвес при отпуске, грубое обращение служащих—сильно нервировало рабочих, которые справедливо указывали, что за их трудовые деньги они не могут покупать то, что им нужно, и должны еще переносить оскорбления, точно им оказывают какую-то милость.

Возмущение рабочих еще более усиливалось тем, что на их глазах служащим по тем же ценам выдавались продукты вполне доброкачественные.

Рабыни капитала. В самый разгар ленской забастовки началось на приисках движение и среди жен и дочерей рабочих. Забастовка, захватив все мужское население, не могла не коснуться и женской его половины. Гнет, давивший рабочих-мужчин, был во много раз тяжелее и ужаснее, когда дело касалось женщин и девушек.

Вначале робко и стыдливо женщины стали рассказывать о том, что им приходилось переживать. Начали поступать жалобы от отдельных женщин. С каждым днем число жалоб увеличивалось и, наконец, они стали поступать ворохами. Пришлось,—рассказывает в своих воспоминаниях руководитель стачки, быв. политический ссыльный Думпе,—установить особый порядок «подачи жалоб». Из рук мужчин, которые испытывали понятную неловкость при чтении этих глубоко интимных женских исповедей, дело приема жалоб было передано женщинам-делегаткам, выбранным в каждом бараке.

Делегатки принимали от женщин жалобы и группировали их, подготовляя таким образом обличительный материал против ленских насильников.

Когда во время забастовки окружному инженеру Тульчинскому были представлены 22 письменных жалобы женщин, он, прочитав их, схватился за голову и воскликнул:

«Неужели все это было на самом деле?»

А было вот что: (приводим отрывки из некоторых заявлений женщин).

Пишет Ксения К—а: «...Особенно мне тяжело было в прошлом лете на горбылях (лесопилке). Была я беременна. Горбыли в табора складывать не могла, но заставляли, и я «выкинула»... Пошли как-то к становому заявлять, что невозможно нам, женскому полу, таскать за 80 коп. горбыли, когда мужчина получает 1 р. 35 к., а он ответил: «вы лягте под меня, тогда я и дороже заплачу»... Когда мы ходили к холостым, то много терпели. Лезли «играть». Вообще много не говорим—совестно. Однажды ночью, когда я лежала на койке, пришел обходной со свечкой, поднял полог и смотрел на раздетых женщин. Я вышла на террасу. Он за мной и—схватил. Все было закрыто—кричать не могла, он с полчаса меня держал—я не хотела уступить».

Анастасия Р—а. «Осенью прошлого года приказали мне драть мох. Работа эта очень трудная, а я была тогда «тяжелая» и ходила последнее время; ноги у меня распухли, как бревна. Однажды я на работе упала на правый бок, который после этого болел несколько дней. Я сказала об этом обходному, но он выругал меня и пригрозил, что назначит мужа к расчету. Я пошла к доктору, акушерка меня осмотрела и мне выдали записку, по которой я на пять дней освобождалась от работы. Но через три дня меня опять назначили на работу—таскать камни для фундамента строившейся электрической станции. Я отказывалась и

показывала докторскую бумажку, но обходной записку у меня отобрал и мне пришлось пойти на работу. Через два дня я родила мертвого ребенка».

Ф е к л а Х—а, девушка 15 лет... «Ходила на работу в квартиры холостых. В собрании заведующий, если не придешь на работу, грозил отцу расчетом. На работе он всячески ругал (материл), назвал «сукой» и «б...» Я раз с одной женщиной ходила мыть полы в помещение холостых. Один служащий подходит и зовет меня к себе. Я говорю: «Уж у вас вымыто». Тогда он отошел, потом опять приходил, показывает портмоне и говорит: «вот—пойдем».

А н н а М—а... «Во времена стройки собрания, как-то раз мы ночью мыли пол. Я осталась одна в комнате, и здесь на меня прямо напал один служащий, но мне удалось отбиться. Слух ходил, что женщин на квартиры холостых посылали «по выбору», и что «строгим» грозили увольнением».

А н н а Е—а, 50 лет, две дочери 17 и 21 года... «Обходной всегда гонял дочерей, если они оставались дома по болезни, грозил увольнением отца. Ходили они и в дневные и в ночные работы, а плата была одинаковая. Обходной всех баб материл, гонял на работу, не обращая внимания, здоровые, больные ли, отрывал от неотложных дел, даже от больных детей. Младшая моя дочка, хорошенькая, жаловалась мне, что, когда она однажды мыла у холостых, то на нее напал один служащий—«приговаривал, а потом прижимал»...

«Белые рабыни»—так определяли свое положение на приисках жены и дочери рабочих, и это определение нисколько не преувеличивало и не сгущало красок.

Пресловутый 12-ый параграф договора отдавал на «законном основании» семью рабочего в полное

подчинение и эксплоатацию «Лензото». Этот параграф достоин того, чтобы привести его целиком.

§ 12. «На прииска мы должны являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления и, в последнем случае, пришедших с нами женщин и подростков обязуемся, по требованию управления, посылать в работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве, в противном случае подлежат удалению с приисков. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска, по предложению управления, последнее в праве рассчитывать рабочего, как нарушившего контракт. Женщины, назначенные в прислуги, получают по 30 к. в сутки и готовое содержание, или же по 60 коп. в сутки без содержания, от того лица, у которого будут находиться в услужении; назначенные же на поверхностные торные горные работы женщины получают по две трети платы по таксе для рабочих мужчин. Кроме исполнения платных работ, женщины обязаны безвозмездно мыть полы в помещениях, где живут, и вообще заботиться о содержании этих помещений в надлежащей чистоте и порядке. Женщины и подростки, будучи назначены в работу, получают те же книжки и подчиняются тем-же правилам, что и остальные рабочие».

Из приведенного пункта договора видно, как в безграничной жажде наживы «Лензото» совершенно не желало признавать в рабочем человека,

отказывая ему даже в таком элементарном праве, как право иметь возле себя свою семью.

«Право на привоз семьи,—пишет один из бывших рабочих в «Ленском Шахтере»,—могли получить только опытные забойщики или высоко квалифицированные цеховые рабочие и то по истечении известного срока работы на данном прииске. Нельзя при этом забывать, что $^{3}/_{4}$ рабочих были люди семейные».

§ 12 договора выработал у администрации и особое нагло-циничное отношение к женам и дочерям рабочих.

Спустя 12 лет не может этого забыть упомянутая т. Валова.

«При найме рабочего, — рассказывает она в «Красном Знамени»,—его спрашивали:

«— А жена у тебя красива?

«Если рабочий был женат, этот вопрос заставлял его запнуться. Иные отвечали:

«Красива.

«Ну, тогда будешь работать на песках, а жена нам пригодится...»

Под страхом изгнания с приисков или лишения мужа работы, за 30—60 копеек в день женщин заставляли выполнять самые тяжелые работы, не считаясь с их физическим состоянием до беременности включительно; отрывали их от детей, зачастую грудных, открыто и грубо толкали на проституцию, прибегая для этого нередко, помимо административного воздействия, и к простому насилию.

«Жены и дочери рабочих,—рассказывает т. Валова,—были в полном подчинении у администрации. Их... заставляли таскать дрова и камни, или конопатить грохоты, стоя в холодной воде. Эту

работу и я попробовала и получила на всю жизнь ревматизм».

«Назначение на работы,—писала в своем заявлении А. З—ая, бывшая работница Петербургской резиновой мануфактуры,—носило принудительный характер. Отказ, какими бы причинами он не вызывался, влек за собою увольнение мужа. Путем угроз и принуждений заставляли выходить на работу больных женщин. Указания на наступление ежемесячной женской болезни вызывали только грязные насмешки и брань... Более всего страдали женщины от нарядов на работу к холостым, которые преследовали их гнусными предложениями»... и т. д. и т. п.

Если к этому еще прибавить и невыносимые жилищные условия, в которых проходила большая часть жизни женщины, отсутствие медицинской помощи, болезни детей, холод, недоедание, брань, пьянство, и так без конца—нетрудно составить себе представление о том непрерывном кошмаре, который представляла повседневная жизнь семьи рабочего.

Яркая картина жизни рабочей казармы в зимний праздничный день приводится в книге «Правда о ленских событиях»:

«Под ногами у взрослых бродят ползают дети разных возрастов, ежеминутно получая пинки и толчки от взрослых; последние—мужчины и женщины, семейные и холостые, больные и здоровые, пьяные и трезвые,—все сбиты в одну кучу. Ругань, пьяная песня и выкрики, теснота и тяжелая атмосфера,—все это нервирует население казармы и создает почву для всяких столкновений. О женской стыдливости не приходится говорить, когда почти бок о бок, разметавшись во сне, спят женщины и холостые. Особенно гибельно

действует на семейный уклад помещение в одной каморке семейного и холостого. Дети в этой обстановке, если не гибнут от суровых условий жизни, вырастают с презрением к женщине, не зная здоровой семейной жизни».

Прислужники капитала. Методы хищнической и утонченной эксплоатации, которой подвергались на ленских приисках рабочие и их семьи несомненно были намечены «головкой», может быть, даже правлением «Лензото». Но для успешного практического применения этих методов необходимо было подобрать соответствующий кадр местных администраторов, надлежащим образом вышколить и подготовить их к систематическому и планомерному проведению в жизнь предначертаний хозяев; достаточно «заинтересовать» этих исполнителей предстоящей работой, чтобы они ее выполняли не за страх, а за совесть.

Режим, существовавший на ленских приисках, в повседневном проведении которого должна была активно участвовать вся администрация, не исключая и низших ее представителей,—лучшее свидетельство того, что указанная задача—надлежащий подбор и подготовка служащих—правлением была выполнена блестяще.

На ленских приисках, представлявших собою настоящую деспотию, все служащие—от главноуправляющего Белозерова до какого-нибудь надсмотрщика—были глубоко проникнуты «идеологией» своих отечественных и иностранных хозяев, доверие которых они «в поте лица» старались оправдать в полной мере.

Белозеров за свои 120.000 вознаграждения, которые он получил в 1911 году, дал лозунг: «от рабочих оставить только нос да глаза», и его

приспешники, которых на 5.000 рабочих было вместе с содержимой на счет «Лензото» стражей свыше 700 человек, перегоняя друг друга,, старались этот лозунг как можно лучше и полнее, провести в жизнь.

Неудивительно, что инженер Белозеров в глазах рабочих являлся больше полицейским, чем инженером. А инженер Савинов, приезжавший несколько раз из Москвы, по словам рабочего Денисенко, «наводил ужас на рабочих. Это был получеловек, полузверь. Зажал он рабочих как щипцами».

Главным средством воздействия на служащих было все то же всемогущее золото: значительная часть более ответственных администраторов получала известный процент от добытого золота. Но кроме этого в арсенале ленцев было немало и других средств: административный нажим, террор, шпионство, доносы.

«Хитрая механика» капиталистического строя в условиях полного бесправия и правительственного произвола на ленских приисках была пущена в ход и направлялась весьма опытной рукой.

При таких условиях нечего, конечно, удивляться, что служащие смотрели на рабочих не как на людей, а как на «добывателей золота», с которыми церемониться нечего.

Также нечего удивляться, что рабочие относились к служащим с глубокой и нескрываемой ненавистью и ни в чем им не доверяли. Даже когда служащие хотели присоединиться к забастовке, рабочие не поверили в их искренность и отвергли их предложение.

Зато «добыватели золота» за столь короткое время прошли на ленских приисках прекрасную

практическую школу классовой борьбы, которую они настолько основательно усвоили, что своей выдержкой и стойкостью во время четырехмесячной борьбы они поражали и врагов, и друзей.

Возникновение и организация забастовки.

Повод. Ближайшим поводом к ленской забастовке послужило в общем незначительное обстоятельство. Среди мяса, отпущенного 25 февраля 1912 г. *) рабочим Андреевского прииска, оказалась конина, в том числе и конский половой орган.

Когда факт этот был установлен в присутствии урядника вызванным им в качестве эксперта татарином, слух об этом быстро распространился по всем казармам прииска.

Рабочие, которые уже давно подозревали, что, вместо скотского мяса, им выдают конину, пришли в сильное негодование, и чтобы оградить себя в будущем от подобных фактов, решили не выходить на работу, пока приисковая администрация не даст твердого обещания впредь кормить их только доброкачественным скотским мясом.

Один из руководителей ленской стачки, рабочий Евгений Будевич, вспоминает в «Известиях Енисейского Губкома РКП», что аналогичный случай произошел и на Александровском прииске. Там рабочим было выдано гнилое мясо. Рабочие отказались его есть. Управляющий в ответ на просьбы выдать свежее мясо, сказал: «сначала это с'ешьте, там будет и другое». Когда же рабочие продолжали настаивать, он заявил: «и не такое еще заставим есть»... **).

*) Эта, как и все другие даты, указаны по старому стилю.

**) Этот эпизод в действительности относится к более позднему периоду—3-му апреля. См. стр. 83.

Начало забастовки. Почва для забастовки была настолько подготовлена всей обстановкой приисковой жизни, что уже на следующий день рабочие Андреевского прииска пред'явили своему начальству инженеру Цинбергу требование об отпуске доброкачественного скотского мяса и устранении от должности кухонного старосты.

Управляющий Андреевским прииском, конечно, мог бы на собственный страх и риск удовлетворить это требование. Но свято храня заветы «Лензото»—никогда и ни в чем не уступать рабочим—он высокомерно отверг их требование как незаконное, так как рабочие, мол, не имеют права требовать удаления кого-либо из служащих.

Позже приехал увещевать андреевцев и сам исполняющий обязанности главноуправляющего всеми приисками Теппан, который, ничего фактически не обещая, настаивал на том, чтобы рабочие немедленно возобновили работы.

Но все эти уговоры и довольно прозрачные угрозы на рабочих уже не действовали. Случай с мясом был той каплей, которая переполнила чашу терпения. Накоплявшееся в течение ряда лет недовольство всем режимом вырвалось наружу; искра разгорелась в пламя, которое уж не так легко было потушить.

Весть о начале забастовки на Андреевском прииске быстро обошла все другие ближние прииска и повсюду встречала горячее сочувствие. Почти не сговариваясь между собою, один прииск за другим начал присоединяться к забастовке и спустя четыре дня, т.-е. 3 марта уже бастовали все прииска так называемой тайги.

Администрация приисков, а также и полиция, в лице исправника Галкина все эти дни увещевали

рабочих и предлагали им уполномочить нескольких выборных для ведения переговоров.

Последнее предложение рабочими было принято. 3 марта они собрались отдельно по приискам и выбрали доверенных лиц для ведения переговоров с управлением о своих нуждах. В протоколах этих собраний указывалось, что «выборный исполняет только наши постановления и не является отдельной личностью».

Выборные тотчас же обратились к высшему представителю администрации «Лензото», упомянутому инженеру Теппану, с просьбой предоставить для собрания выборных помещение народного дома, а также бесплатный проезд по железной дороге и на приисковых лошадях. Теппан просьбу выборных исполнил.

Первые организационные шаги. В недавно опубликованных воспоминаниях одного из главных руководителей ленской забастовки, бывшего политического ссыльного Думпе, имеется яркое описание начала забастовки на Надежинском прииске, ставшем впоследствии центром движения, и первых организационных шагов забастовавших рабочих.

«На третий день после того, как забастовка возникла на Андреевском прииске—рассказывает Думпе,—забастовали и мы... Рабочие, вышедшие на улицу, решили устроить общее собрание.

«Так как на Надеждинском прииске не находилось другого помещения, где могли бы все собраться, то решили устроить общее собрание в новой, еще не отделанной бане. Там и состоялось первое собрание, которое можно, пожалуй, назвать учредительным собранием ленской забастовки, ибо тут выработались сразу все те вопросы, которые охватили всю рабочую жизнь.

Так как у нас не было еще ничего точно известно о причинах, вызвавших забастовку на Андреевском прииске, то нам пришлось сразу действовать самостоятельно. Раздавались голоса, что нам, мастеровым, надо выступать отдельно от рабочих, ибо нас скорее правление удовлетворит. Но эти голоса замолкли, когда я указал, что наше дело есть также и общее дело, и мы должны быть солидарны с горняками. Вырабатывая требования, мы старались ставить их так широко, чтобы они охватили всю рабочую жизнь. Также выработали тут порядок, как должна вестись забастовка.

«Требований, насколько помню, было выставлено всего шестнадцать. Выбраны были, как представители от рабочих или делегаты для ведения переговоров с управлением, шесть человек. Поскольку помню, прошли Вязовой, Баташев, Журавлев и еще трое, которых я уже не припомню. Выставили и мою кандидатуру, но я баллатироваться отказался, указывая, что как политический ссыльный, не имеющий гражданских прав, могу явиться только помехой, ибо наши противники поймут сразу, обнаружив «политических», что забастовка «политическая», а это не вошло в наши расчеты. Но тут же я заявил, что мы всегда будем среди выбранных, будем вместе с ними работать, но только неофициально. Это было принято, и так я постепенно со своей работой очутился во главе всего движения.

«Тут же мною было внесено предложение о закрытии всех винных лавок и о воспрещении рабочим во время забастовки употреблять водку. Это приняли у нас единогласно и без оговорки распространилось на все прииска. Также постановили войти в тесную связь с остальными приисками. Вечером того же дня на ночную смену

не вышли рабочие Феодосиевского прииска. 4 марта утром мы уже имели связь со всеми остальными приисками ближней тайги. На об'явленное общее собрание в Надеждинском Нардоме явились рабочие Феодосиевского, Надеждинского и Александровского приисков, а также многие из Андреевского и других нижних приисков; так как всем рабочим в Народном Доме не хватило мест, то собрание устроили на площади у Народного Дома. На этом собрании участвовало более 5.000(?) человек. День был солнечный, ясный, и тут рабочие первый раз обсудили свои нужды, высказали свои обиды и первый раз услышали свободное слово. Характер всех речей был чисто экономический. Из-за тактических причин, с самого начала было решено избегать всякую политическую тему. Мы это делали сознательно и хорошо заранее знали, что если политику вытолкнуть в двери, она залезет в окно; все равно без политики при данных условиях не обойдемся».

После общего собрания в Народном Доме остались выборные и в присутствии рабочих выработали общие требования. Думпе отмечает такой характерный факт: «Ни на общем собрании, ни на собрании выборных не было официального председателя», а вместе с тем господствовал порядок и огранизованность. Выборным от Надеждинского прииска поручено было держать связь с остальными приисками, и незаметно к этим выборным перешла вся руководящая роль. Таким образом возникло так наз. «Центральное бюро»— руководящий орган ленской забастовки.

В тот же день состоялось совместное заседание выборных с представителем горного надзора, инженером Александровым. По поручению рабочих выборные поставили перед Александровым

вопрос о том, кто с точки зрения закона является нарушителем договора: рабочие или «Лензото?» Александров вынужден был признать, что договор нарушила администрация.

Из этого признания рабочие сделали соответствующие выводы, и выборные утвердили в окончательной форме требования для пред'явления администрации приисков.

Т р е б о в а н и я   р а б о ч и х. Администрация приисков, а затем и правление «Лензото», а также и высшие представители царского правительства признавали требования рабочих «чрезмерными» и «неосуществимыми».

Так ли это, или нет в отношении предприятия владельцы которого за последний перед забастовкой год положили в карман чистой прибыли около 7 милл. рублей,—пусть об этом судят сами читатели. Вот эти требования:

1) Во все время забастовки продовольствие по кухне должно выдаваться по обыкновению.

2) а) Продовольствие на кухне должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими того же района, в котором предстоит выписка; б) мясо должно делиться на два сорта; в) квас должен быть в летнее время за счет Л.-З. Т-ва; г) хлеб ржаной должен быть сеянным; д) картофель должен быть обязательным; е) капуста должна быть обязательна, в виду того, что она предохраняет от цынги.

3) а) Расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с бесплатным их освещением; б) холостым одна комната на двоих, а семейному одна комната. Отдельные помещения—прачечная и сушилка.

4) а) Рабочие, нанявшиеся по профессии, не должны посылаться в ту область труда, где не требуется их профессиональное знание. Установить очередную сменяемость работ; б) ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнение должно быть летом, и при том же должен быть выдан обязательно бесплатный проезд с семьей до Жигалова; в) если же администрация увольняет рабочего, то должна рассчитать по закону.

5) а) Восьмичасовой рабочий день. Предпраздничные дни по семь часов. Воскресные и двунадесятые дни работать не обязательно, а считать эти дни льготными; если же в эти дни производится работа, то должно с 6 часов утра до 1 часу дня и писать их за полтора дня; в) неурочное время должно оплачиваться за первые 2 часа—3 часа, а за последующие часы, за каждый час 2 часа.

6) Существующая такса должна быть увеличена пропорционально плате: до 2 руб.—30%, до 2 р. 50 к.—20% и свыше—10%. А для горнорабочих отрядные работы не принудительны, а по взаимному соглашению.

7) а) Каждый день должен вывешиваться табель с проработанного дня, а также и по окончании месяца в табели должен быть подсчет за целый месяц; б) горнорабочим должны выдаваться ежедневно ярлыки на выработку.

8) Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью в конторе, мастерской и на стану, при чем получатель должен расписаться в табели о сумме, которую он получил.

9) Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

10) Отмена штрафов.

11) Всем рабочим и мастеровым не должна сбавляться поденная плата. Рабочим, командиро-

ваннным на дальнее расстояние, должен платиться полуторный оклад.

12) По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего, по вине Л.-З. Т-ва, оплачивается поденной платой, а болезнь вообще—полднем, до дня выздоровления. Обязательная выдача удостоверений больным.

13) Чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

14) Непринужденность женского труда.

15) Вежливое обращение администрации, рабочих называть не на «ты», а на «вы».

16) Устранение административных лиц (перечислены фамилии 27 служащих, которые должны быть уволены).

17) За время забастовки никто не должен пострадать.

18) О гарантии выборных: а) чтобы делегатам от всех забастовавших приисков было предоставлено право на время переговоров пользоваться бесплатным проездом от ст. Федосиевской до ст. Бодайбо, а равно и на лошадях. б) Чтобы управление Л-З. Т-ва снеслось бы с местной полицией о гарантии свободы делегатов. в) Чтоб на время забастовки выборным был предоставлен Народный Дом. г) Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не испросив разрешения делегатов.

Как видим, во всех этих требованиях ничего «чрезмерного» и «неосуществимого» нет. Требования рабочих стремились смягчить приисковый «каторжный» режим. Но удовлетворение этих требований для «Лензото» означало уменьшение миллионных барышей, а на это оно никак не хотело согласиться.

Царские штыки в защиту ленских капиталистов.

О начавшейся забастовке сейчас же, конечно, было телеграфно извещено правление «Лензото». Какой переполох это известие вызвало среди правленцев, не трудно себе представить. Ведь каждый день забастовки обходился им в десятки тысяч рублей, а перспектива удовлетворения даже части требований рабочих грозила еще большей урезкой барышей.

Получив первые известия с приисков, правление сразу же забило сильную тревогу и начало со всех сил нажимать на все правительственные педали, чтобы в зародыше задушить начавшееся движение.

Прежде всего правление принялось за обработку иркутского губернатора. В обширной телеграмме на его имя от 5 марта правление старалось представить дело так, что на приисках возникла политическая забастовка, вызванная и поддерживаемая агитаторами. Пригрозив, в случае продолжения забастовки, совершенно прекратить работы, правление просит в интересах обеспечения порядка и сохранения в целости приискового имущества, немедленно послать из Киренска, хотя бы за счет товарищества, достаточное число солдат для удаления из приискового района политически «неблагонадежных» элементов.

Собственно говоря, этой первой телеграммой правление уже вполне определило свое отношение к забастовке и выявило свою тактику по отношению к забастовавшим: никаких уступок, забастовку ликвидировать военной силой, зачинщиков арестовать и выслать.

В тот же день правление послало губернатору вторую срочную телеграмму: «Бастующие угрожают полным разгромом приискового имущества, местные власти бездействуют, убедительнейше просим ускорить исполнение просьбы» (о высылке солдат).

Нажим подействовал. Через некоторое время губернатор распорядился об отправке из Киренска солдат а из Иркутска выехал тов. прокурора окружного суда Преображенский.

Однако, так как губернатор, по мнению правления, медлил с принятием решительных мер, то последнее начало нажимать на различные министерства и влиятельных царских сановников, чтобы дело ликвидации забастовки было передано департаменту полиции, попросту говоря, жандармам.

На этой почве между различными представителями царской власти началась грызня, в результате которой стало официально известно, что ленский расстрел подготовлялся из центра, а также было выявлено трогательное единение между царизмом и русско-английскими капиталистами.

Вот несколько выдержек из этой классической телеграфной переписки, в свое время, конечно, тайной, между различными малыми и большими начальствами.

Иркутский губернатор, оскорбленный в лучших своих чувствах обвинением в бездействии, на телеграмму правления ответил:

«По полученным мною сведениям, забастовка протекает мирно, рабочие спокойны... В посылке нижних чинов из Киренска не встречается надобности».

Легко себе представить, как эта телеграмма должна быть взбесить правленцев. На губернатора, следовательно, больше надеяться нечего.

От него помощи уж ждать не приходится. Необходимо во что бы то ни стало от ликвидации забастовки его фактически устранить и передать это дело в более верные руки—департаменту полиции.

Приняв такое решение, правленцы добились и быстрого его осуществления.

Уже 7 марта министр торговли и промышленности, он же участник «Лензото», Тимашев, обращается к командующему войсками иркутского военного округа с просьбой немедленно выслать усиленную военную команду в район приисков.

8 марта о ходе забастовки запрашивает губернатора уже департамент полиции. В течение нескольких дней под ряд шеф жандармов Белецкий все нажимает на губернатора, настаивая на принятии более решительных мер. Губернатор, задетый за живое подсиживаниями правленцев, чтобы себя обелить в глазах начальства, становится чуть ли не на «защиту»... рабочих. «Я категорически утверждаю,—отвечает он департаменту полиции,—что в забастовке прежде всего и более всего виновато само «Лензото», поэтому скорейшее прекращение забастовки зависит исключительно от их (правленцев) доброй воли».

Но доверие к губернатору, который чуть ли не идет против капиталистов в «высших сферах» уже подорвано. Зам. министра внутренних дел Золотарев, на основании информации правления, пред'являет губернатору обвинение в бездействии и предписывает ему дать на место забастовки такие директивы, которые немедленно ликвидировали бы ее.

Губернатор, глубоко задетый недвусмысленным тоном и содержанием этой телеграммы, ответил на нее длиннейшей реляцией, в которой он еще

более резко подчеркивает виновность «Лензото» в забастовке и признает нецелесообразным все те репрессии, которые принимаются против бастующих.

Ход забастовки.

3 марта выборные рабочих пред'явили требования исполняющему должность главноуправляющего Теппану.

«Теппан,—рассказывает в своих воспоминаниях Думпе,—нас, человек семь, дальше передней не пустил и, принимая из наших рук требования, имел совершенно растерянный вид... Он был настолько рассеян, что, не познакомившись с нашими требованиями, тут же в передней нам сказал, что он ничего другого не может сделать, как советовать приступить немедленно к работе. Выборные на это категорически заявили, что пока требования удовлетворены не будут, к работе никто не приступит и просили Теппана требования по телеграфу сообщить в Петербург в главное управление».

Теппан телеграмму послал, и 4-го был получен ответ правления: требования отклонить. Если команда 6-го не станет на работу, произвести полный расчет и прекратить водоотливы *).

---

*) По воспоминаниям Думпе, выборные были у Теппана 5-го марта в 11 час. утра и в тот же день в 4 часа дня был получен ответ правления. Такой быстрый ответ дал даже Думпе повод выразить предположение, что телеграмма сфабрикована тут же на приисках. Дата, указанная Думпе, несомненно ошибочна, так или ответ правления получился 4-го марта. Следовательно, выборные были у Теппана раньше, т.-е. 3 или 4-го утром.

Теппан на следующий же день вывесил об'явление, в котором приводилось содержание телеграммы и угроза произвести полный расчет.

В то же время рабочим стало известно и о приказе прекратить водоотливные работы. Это известие чрезвычайно взволновало всех, так как грозило безработицей, по меньшей мере, на год.

Надо сказать, что с первого дня забастовки, по словам Думпе, было вынесено постановление, «что все рабочие, которые по роду своей работы не могут быть сняты с работы, остаются на своих местах. Такими были конюхи, водовозы, банщики, вахтовые в электрических станциях, кочегары и рабочие при водоотливных приспособлениях».

Ответ правления ясно показал, что уступок с его стороны ожидать нечего, и перед рабочими остро встал вопрос, как реагировать на угрозу затопить шахты. До сих пор о забастовке мало знали за пределами приисков, но теперь рабочие решили вынести ее на широкий свет—«привесить к большому колоколу», по выражению Думпе. Числа 6 или 7-го общим собранием рабочих была выработана телеграмма приблизительно следующего содержания:

«Рабочие «Лензото» забастовали нарушением договора со стороны «Лензото». Требования рабочих: хлеб без примеси, доброкачественное мясо, вежливое обращение, не дозволяйте «Лензото» затоплять шахты, картошка, капуста, 30% добавки жалования, не рассчитывать всех виновников возникновения забастовки, 8-часовой рабочий день и так далее».

«Всего, кажется,—вспоминает Думпе,—16 пунктов и приблизительно в таком же хаотическом порядке. Получалось впечатление, что она составлена без всякого руководителя, а составлена толпой,

в которой первый попавший грамотный записал все, что ему диктовали.»

Телеграмма была послана одновременно в несколько адресов: иркутскому генерал-губернатору, иркутскому горному управлению, в государственную думу, горный департамент, правление «Лензото», Биржевой комитет.

Посылая одновременно в разные адреса, выборные руководствовались следующими соображениями: если в одном месте телеграмму утаят, то из другого она каким-нибудь образом проскользнет в газеты, и о забастовке станет известно всему рабочему классу. По казармам был сделан сбор на телеграмму, который дал 180 рублей. Этой телеграмме рабочие придавали весьма важное значение и возлагали на нее большие надежды, поэтому и отправка ее была обставлена особенно конспиративно.

Вот как описывает отправку телеграммы Думпе:

«Телеграмму отвезти взялся я сам. Время когда повезу, а также кто должен меня сопровождать, не знал никто. Меня сопровождали муж и жена Будевицы. Сели мы в ночной поезд в разных вагонах и приехали утром благополучно в Бодайбо, где остановились в разных квартирах.

«План передачи был следующий: я, Будевиц и его жена имели по одному экземпляру текста телеграммы. Ровно в 9 часов утра, когда много народу, я шел на телеграф, где меня должны были ожидать Будевицы, пришедшие также врозь. При передаче телеграммы, если полиция меня будет арестовывать, я подниму как можно больше шуму и постараюсь как можно больше увлечь собой полицию. После должен подойти Будевиц и если его арестуют, то увлечь всю остальную полицию. А тогда с той же целью должна вы-

ступить жена Будевица, Лидия Михайловна и, передав телеграмму, исчезнуть.

«Но все эти предосторожности оказались лишними. Никто из управления от рабочих такого шага не ожидал и заохали только тогда, когда в тот же день на бирже многие из мелких акционеров «Лензото» вылетели в трубу».

Попытка дезорганизовать бастующих. Иркутский губернатор на телеграмму ответил трафаретным советом встать на работу, обещая выслать горных инженеров «для расследования дела».

Одновременно пришел ответ и от правления «Лензото», которое заявляло, что изменить условия найма не может, просит не слушаться главарей, сбивающих с пути, и спокойно приняться за работу, обеспечивающую «вполне достаточный заработок»... «Если же, заканчивалась телеграмма, будете упорствовать и слушаться неблагонамеренных людей, правление вынуждено будет оставить дело за убыточностью его».

Так как рабочие, наученные горьким опытом, не вняли «благоразумным» советам, то на следующий день появилось об'явление Теппана об отказе от дальнейших переговоров с забастовщиками, причем всем не вышедшим на работу 8-го марта предлагалось явиться в контору за расчетом и документами. Тем же, кто не явится за расчетом до 10-го марта, последний будет произведен через окружных горных инженеров.

С еще более циничным и вызывающим об'явлением выступил в эти дни заместитель главного окружного горного инженера Александров. После того, как рабочие 8-го марта на работу не вышли,

он выпустил об'явление, в котором перечисляются все статьи закона, по которым они подлежат ответственности за «преступления», уже совершенные (нарушение договора, невыход на работу) и которые «вероятно» будут совершены (возбуждение товарищей к продолжению стачки).

Цель этого «посреднического» выступления высшего представителя горного надзора была ясна: запугать, устрашить наименее стойких рабочих, внести дезорганизацию в ряды бастующих. Но и это средство желательных результатов не дало. Рабочие не испугались и продолжали крепко стоять на своем.

Когда и это средство не помогло, администрация приисков решила пустить в ход провокацию. Среди рабочих начали распространять слухи о том, что выборные предают их интересы. Какой-то инженер, переодевшись, явился на Александровский прииск и начал рассказывать рабочим, что выборные подкуплены администрацией, при чем он даже назвал сумму подкупа.

Юрисконсульт «Лензото», присяжный поверенный Иванов, телеграфировал прокурору иркутской судебной палаты, что на собраниях бастующих произносятся «зажигательные речи на политические темы».

Словом, ленцы и их верные слуги испробовали все средства, чтобы разложить и дезорганизовать движение, разбить единство и сплоченность массы, вступившей в борьбу против гнета капитала.

В это время администрация, очевидно, узнав, что на прииска отправлены войска, начала вести по отношению к бастующим ярко выраженную наступательную политику, думая уже не столько о ликвидации забастовки, сколько о наказании рабочих.

Неудача с выселением из квартир. 16 и 17-го марта мировой судья Хитун, по иску правления, постановил выселить рабочих из Догалдынских бараков на том основании, что, мол, если рабочие не вышли 3 дня под ряд на работу, они подлежат расчету и обязаны очистить занимаемые ими помещения. Выселение в приисковых условиях означало быть выкинутым на улицу среди зимы.

В то же время правление начало угрожать,—а вскоре эта угроза была приведена и в исполнение—прекращением отпуска продовольствия рабочим, не имевшим за конторой заработков, чем последние с их семьями обрекались на голод в буквальном смысле этого слова.

Добровольно рабочие, конечно, отказались выполнить постановление правленского наймита Хитуна. Администрации пришлось прибегнуть к помощи полиции.

Однако, выселить рабочих из квартир так и не удалось. Администрация натолкнулась на такую сплоченность и организованность рабочих, перед которыми она должна была отступить.

Яркое описание этого эпизода находим у Думпе:

«Для приведения в исполнение приговора была поднята на ноги вся местная полиция, а также для покрепления была вызвана военная команда Бодайбинского гарнизона. Оцепив барак, они выгнали рабочих из барака, хотели их куда-то вести.

«Когда нам на Надеждинском сообщили по телефону, что делается полицией, мы спешили передать это на другие прииска и сами поспешили на место происшествия. Со всех бараков, по всем дорогам и тропам двигался народ по направлению к Догалдыну.

«Полиция смутилась и особенно не усердствовала. Скоро как солдаты, так и полиция были окружены вплотную тесным кольцом рабочих, которое все увеличивалось. Солдаты перемешались с толпой... Видно было, что на это власти не рассчитывали и были захвачены врасплох. Когда скомандовали солдатам сплотиться и вывели их на дорогу, рабочие разделились на две половины. Выпустив из своей среды солдат, все двинулись за ними.

«В конце получилась такая картина: солдаты шли скорым маршем впереди, за ними по пятам огромная масса, около трех слишком тысяч. Все это двигалось на направлению к Надеждинскому прииску. Когда подходили к Народному Дому, нам навстречу двигалась такая же масса с Александровского и других приисков. Солдаты опять очутились между двумя толпами, которые все увеличивались и окружали солдат.

«Момент был критический. Это учел исправник Галкин, который руководил выселением. Он приложил много усилий... умоляя рабочих не напирать на солдат, что может случиться несчастье. Он обещал, что никакого выселения рабочих больше не будет. В это время выступил с речью Хитун, указывая, что рабочие сопротивляются властям, действуют незаконно. Рабочие все время вели себя удивительно спокойно, но, услышавши речи Хитуна, постепенно начали волноваться и скоро с страшным ревом оборвали его речь, и стоило некоторого усилия, чтобы оградить безопасность Хитуна. Тут опять власти убедились в решительности рабочих бастовать до конца. Это был хороший урок для местной администрации. Она могла убедиться, что рабочие на силу могут быть вызваны также действовать силой. Кто в таком

случае оказался бы победителем—большой вопрос и, по всей вероятности, рабочие, потому что такие попытки до прибытия Трещенкова не повторялись».

Взять бастующих холодом правленцам, таким образом, не удалось, но зато голодом они порядком изморили рабочих, их жен и детей.

С 17-го марта администрация прекратила выдачу продовольствия тем из рабочих, которые не имели за конторой заработков. Но этого, очевидно, было недостаточно, и администрация без всякого предупреждения сократила отпуск продуктов семейным до норм холостых. Другими словами, семейные рабочие, независимо от числа членов семьи, начали получать паек только на одного человека.

Самодеятельность рабочей массы и руководящий аппарат.

Совершенно неожиданно для себя, Лензото и его сподвижники увидели перед собой хорошо организованную, дисциплинированную, крепкую рабочую армию, которую обычными средствами нельзя было ни победить, ни сломать.

Кто бы мог ожидать проявления такой высокой сознательности от забитой, угнетенной и отсталой массы приисковых рабочих?

Каторжный режим и жесточайшая эксплоатация воспитали ленских рабочих в духе глубокой непримиримой классовой ненависти к их угнетателям, а здоровый пролетарский инстинкт помог им создать крепкую, стойкую и гибкую забастовочную о р г а н и з а ц и ю, которая все время направляла и руководила борьбой.

Забастовочная организация возникла чисто стихийно. Надо вспомнить все исключительные обстоятельства, в которых зародилась она, чтобы понять, какой глубокий классовой инстинкт таили в себе задавленные жесткой эксплоатацией приисковые рабы, заброшенные на край света.

Аппарат. Руководящий аппарат ленской забастовки, по словам Думпе, состоял из целого ряда звеньев, с «центральным бюро» во главе.

«Центральное бюро» находилось на Надеждинском прииске и отсюда поддерживало связь со всеми остальными приисками. Образовалось оно после первого собрания рабочих в Надеждинском народном доме, и постепенно сосредоточило в своих руках всю руководящую работу. Здесь сходились все нити забастовки, отсюда исходили все распоряжения. Нахождение «Центрального бюро» на Надеждинском прииске было во всех отношениях удобно, так как вблизи него помещалось главное управление, имелся телефон и наиболее удобно было сообщаться с остальными приисками.

Кроме «Центрального бюро», — рассказывает Думпе, — существовал еще один руководящий центр, так наз. «Тайный совет», о котором было известно лишь очень ограниченному кругу рабочих. Даже выборные не подозревали о его существовании. «Тайный совет» являлся скрытой, но основной пружиной забастовочного механизма. Каждый серьезный вопрос, прежде чем поступить в «Центральное бюро», предварительно обсуждался со всех сторон «Тайным советом». Здесь находилось решение вопроса, после чего он переходил в «Бюро», которое обычно принимало то же решение.

С момента возникновения забастовки, руководителей ее не переставал беспокоить вопрос о формах организации рабочей массы, о внутреннем распорядке. Нужно было в среде рабочих поддержать дух организованности и дисциплины, без которых нечего было рассчитывать на победу. Пока главари обсуждали этот вопрос, сами рабочие нашли выход, как нельзя более удачный.

Институт старост. «Рабочие Феодосиевского прииска,—пишет Думпе,—для поддержания порядка в рабочих номерах выбрали старост, которым должны были подчиняться все обитатели данного барака. Это и было то, что мы искали, и нам не оставалось ничего больше, как расширить эти права и обязанности старост и распространить этот порядок на все остальные прииска. И в результате у нас получилась идеальнейшая организация—сильная и гибкая».

Было выработано особое постановление о правах и обязанностях выборного старосты. В общих чертах основные его положения сводились к следующему:

Староста избирается в каждом бараке тайным или открытым голосованием по желанию рабочих. В помощь ему выбираются два помощника, которые в отсутствие старосты пользуются всеми его правами. Староста является неограниченным хозяином барака. Сменить его может только совет старост по заявлению всего барака. Староста отвечает за всякий беспорядок в бараке. Он не должен допускать пьянства, драк, самовольных отлучек после 4-х часов вечера и т. д. Все обитатели барака должны безоговорочно исполнять требования старосты.

За беспорядки общего для прииска характера отвечает совет старост данного прииска.

Связующим звеном между советом старост и центральным бюро служили «выборные».

Выборные. «Выборные», т. е. делегаты от рабочих были выдвинуты с первых же дней забастовки для ведения переговоров.

Совет старост непосредственно подчинялся выборным от своего прииска.

Такая организация, созданная по желанию и инициативе самих рабочих, оказалась чрезвычайно авторитетной.

Когда возникла необходимость о чем-нибудь оповестить рабочих,—рассказывает Думпе, —достаточно было сообщить одному из старост, чтобы в самое короткое время об этом знали все рабочие на всем прииске.

Дисциплина. Дисциплина господствовала исключительная. Тем дороже была она, что это была дисциплина добровольная и сознательная. Здоровый пролетарский инстинкт сразу же подсказал ленским рабочим, что нарушение порядка с их стороны будет только на руку врагу и может сорвать забастовку.

Чуть ли не с первого дня стачки рабочими было выработано «обязательное постановление», которое строжайше предписывало всем бастующим не нарушать порядка и строго следить за тем, чтобы промыслам не было причинено ни малейшего ущерба. С этой целью на тех работах, прекращение которых повлекло бы за собой остановку предприятия, как, например, водоотливные работы в шахтах,—были оставлены рабочие во все время забастовки.

За порядком в бараках, на ряду со старостой наблюдали и сами рабочие. Ночью выставлялись караулы не только в бараках, но и вне их, у динамитного склада, магазинов, винных лавок и т. п.

С 4-х часов ни один рабочий не мог отлучиться, не спросясь у старосты, а с 9 вечера все должны были сидеть в казармах. Эта мера должна была в корне пресечь всякую попытку предательства со стороны малосознательных рабочих.

Даже у плиты среди женщин, где вечно стояли шум и брань, воцарилась тишина. В каждом бараке была избрана старостиха, следившая за порядком. По словам выборного Будевица, была «организована общая коммуна для женатых и неженатых, до того между собой враждовавших (жены и дети рабочих не получали пайка и это служило источником розни)».

Случаи нарушения порядка были чрезвычайно редки. А если случалось какое-нибудь нарушение, виновного судил и наказывал весь барак.

«Кто-то из рабочих на Феодосиевском прииске,—рассказывает Думпе,—не помню в чем, провинился против старосты, и вот всем бараком за это было постановлено виновнику всыпать 25 «горячих», и исполнили даже с одобрением его жены—«против мира не бунтуй!».

В другом случае староста утаил 20 копеек из денег, собранных на телеграмму. За это «мир» приговорили его к штрафу в 2 рубля и т. д.

Против пьянства. Но особую сознательность рабочие проявили в отношении водки. Те самые рабочие, которые обычно так любили выпить и так много пили, с редким одушевлением и единодушием приветствовали предложение о полном прекращении пьянства на все время забастовки. Мало того, что совершенно запрещалось покупать вина в магазинах, рабочие еще постановили уничтожить и все имевшиеся запасы его на руках. Вино в бараках продавали «матери» (женщины, которые вели хозяйство нескольких

холостяков, назывались «матерями», а эти холостяки—«сынками»). Было решено отобрать вино у «матерей» и уничтожить, но, чтобы последние не понесли убытков, «сынки»—их обычные клиенты—обязывались оплатить потерю по средней казенной цене. Это постановление было выполнено в точности.

«У барака—образно рисует картину уничтожения водки Думпе—стоит группа рабочих, вооруженных «четвертями». По очереди подходят к снеговой куче и выливают содержимое, т.-е. водку, прямо в снег. Это делалось охотно, со смехом, шутками и прибаутками»...

Еще факт: «Управляющий Феодосеевским прииском Самохвалов, Всеволод Иванович, обратился на пятый или шестой день с предупреждением к рабочим, что в виду его годовщины 20 или 25-летней службы, он желает рабочих угостить за свой счет и отпустить на каждого рабочего по полбутылке водки с закуской. Рабочие от этого отказались, отвечая: теперь забастовка, и водку пить нельзя, а кончится забастовка, тогда с угощением милости просим, выпьем за ваше здоровье!»

«Воодушевление и самоотвержение среди рабочих,—вспоминает Думпе, характеризуя настроение рабочих,—было такое, что не могу найти достаточно ярких слов, чтобы это выразить.

...«Я участвовал во многих забастовках, но никогда и нигде я не видел среди рабочих такого единодушия, как здесь. Видно было, что режим «Лензото» достаточно поработал для того, чтобы сплотить эту массу в одно целое, лучше всякой «злонамеренной политической агитации».

Наглядным примером исключительной внутренней выдержки и дисциплинированности рабочих

может служить следующий эпизод, рассказанный тем же Думпе:

Еще провокация. «Ночью рабочие на Федосиевском прииске были разбужены криком о помощи и выстрелом. Рабочие, выбежавшие на улицу, увидели каких-то оборванных людей, окруженных стражниками, которые их вели мимо рабочих бараков. Поровнявшись с рабочими, некоторые из оборванцев бросились бежать в сторону рабочих с криками: «спасайте нас, мы такие же рабочие, как вы!» Но, благодаря дисциплине, никто из рабочих не двинулся с места без разрешения на это со стороны старосты. В это время уже старосты выяснили, что эти «оборванцы» будто пойманы в шахте. Не доведя до «казачьей» они были отпущены на все четыре стороны. Утром мы узнали, что оборванцы были переодетые, с целью провокации, служащие. Расчет был таков, что рабочие бросятся их отбивать от стражников. Это дало бы повод заявить властям, что рабочие во время забастовки хищничают и пойманных хищников-воров освобождают... Утром «Бюро» послало исправнику предупреждение, что, если полиция в будущем еще поймает воров, то чтобы их везли прямой дорогой в казачью, а не окольными путями мимо бараков рабочих. Это противоречит порядку забастовки. Нарушает тишину и порядок сама полиция. Подобные случаи больше не повторялись».

Надо иметь в виду, что эта провокация была пущена в ход в самый разгар забастовки, когда нервы рабочих были уже в достаточной степени напряжены, и, казалось, достаточно было одной искры, чтобы вспыхнули волнения и эксцессы.

Здесь уместно будет рассказать, что служащие в первые же дни забастовки выразили желание

присоединиться к рабочим и послали к ним своих представителей. Но рабочие самым решительным образом отказались принять их в свои ряды. В лице служащих рабочие видели олицетворение хозяйского гнета и насилия и потому не верили в искренность их намерения. Приведенный факт, как и много других подобных, еще больше утвердил рабочих в убеждении, что служащие хотели присоединиться к забастовке, чтобы сорвать ее.

Рабочие тем тщательнее охраняли свои ряды от предателей, что среди рабочей массы ни полиции, ни администрации приисков за все время забастовки не удалось найти ни одного сколько-нибудь «приличного» шпиона, который мог бы хотя бы только информировать о происходящем в рядах забастовщиков.

В то время, как рабочие были сравнительно хорошо осведомлены обо всех шагах администрации и даже отчасти о том, что предпринимается в «высших сферах», администрация вынуждена была питаться только бестолковыми и путанными сведениями от одного-двух наиболее темных рабочих, которых ей удалось подкупить.

«Когда,—рассказывает Думпе,—пред'явили мне во время моего ареста обвинение, то оказалось, что власти находились совсем в потемках о всем нашем внутреннем распорядке... Выяснилось, что оно (обвинение) составлено на основании показаний заведующего Надеждинского Народного Дома. Он нас подслушал, когда мы в первые дни забастовки заседали в Народном Доме, и приблизительно верно передал мои слова из речи, которую я говорил по поводу ответа из Петербурга на наши требования. Другой предатель из нашей же среды, пилозуб Бармин или Брамин

(точно не припомню) устроился во время забастовки в нашем № 9 бараке, где и жил с женой. Но он по своей неразвитости ничего существенного не показывал. Этим материалом и пришлось ограничиться Хитуну при составлении обвинительного материала».

Руководители движения.

Ленской забастовкой, вопреки широко распространенному мнению, фактически руководили политические ссыльные, заброшенные царизмом в этот дикий угол Сибири. Ссыльные с самого возникновения забастовки вносили в нее весь свой организационный опыт и революционную энергию.

Политические ссыльные участвовали в забастовке неофициально. Их официальное участие— так, по крайней мере, рассуждали они тогда— позволило бы завопить о «злонамеренной политической агитации», опасности для существующего строя и т. п.

Руководители стачки,—вспоминает Думпе,— с первых же шагов своих хорошо уяснили, в каком виде забастовка может иметь больше успеха. Все они понимали, что для внешнего мира она должна носить исключительно экономический характер.

«С первого же дня забастовки мы приняли все меры, чтобы забастовка не носила политический характер. Местные условия, среда, из которой составлялась рабочая масса (90% крестьян), подсказали нам ту тактику, которой мы держались. Если нужно, можно назвать ее характер чисто синдикалистическим. Все наши стремления были направлены к тому, чтобы доказать то, что при тех политических условиях, которые существовали

в России, всякая экономическая борьба рабочих есть в то же время и политическая, независимо от воли отдельных лиц. Может быть, там, где существует организация какой-либо партии, можно придать забастовке ту или иную окраску, посредством заблаговременной подготовки, но здесь, где забастовка возникла стихийно, нельзя было ее вместить в какую-либо колодку.

«При том идейная физиономия ссылки представляла все оттенки политической окраски—начиная от кадетов, случайно попавших в ссылку, до анархистов-индивидуалистов. Скажу еще проще, что среди нас, руководителей забастовки, каждый имел свою политическую физиономию.

«Скажу несколько слов о нашей политической интеллигенции. В первые дни забастовки многие из них приезжали с целью махнуть речи. Но каждый в своей речи желал развить свою политическую платформу. Среди них были социал-демократы, большевики и меньшевики, социал-революционеры и анархисты всех оттенков, синдикалисты и т. д. Каждый из них приезжал с той целью, чтобы слава руководства принадлежала именно той партии, представителем которой каждый из них себя считал.

«Это было именно то, что нам не нужно было. Что получилось бы, если мы позволили бы во время острого момента борьбы, внести партийную борьбу? С одной стороны, темная рабочая масса все равно ничего не поняла бы, а с другой стороны, это дало бы законный(?) повод стрелять в рабочих, как угрожающих существующему государственному строю.

«В виду этого у нас практиковался обычай опросить оратора, о чем он будет говорить. И, если нам казалось, что эта тема для нас неподходя-

щая, то такого мы не пускали на «бочку» (наша трибуна). Даже если такому оратору удавалось под тем или другим предлогом попасть на бочку и он в своей речи начинал затрагивать политику, то его сейчас же предупреждали, что этого нельзя. Если он все-таки продолжал, то после троекратного подергивания за ногу, его просто спихивали с бочки без всякой церемонии».

Биографии руководителей. Из непосредственных руководителей забастовки можно назвать следующие дошедшие до нас имена: Э. Думпе—политический ссыльный; Индрик Розенберг—политический ссыльный; Черепицын (или Кирпичин) Григорий—политический ссыльный; Баташев—рабочий; Будевицы, Журавлев, Вязовой, Зеленко—полит. ссыльные и Попов.

Думпе в своих воспоминаниях сообщает некоторые биографические данные и характеристики своих товарищей по руководству забастовкой.

Индрик Розенберг, латыш, рабочий по металлу, родом из Риги. Во время японской войны работал в Читинских железнодорожных мастерских. Принимал участие в революционном движении в 1905 году в Чите. Приговорен к 4 годам каторги, которую отбыл, кажется в Акатуе. На прииска прибыл в 1910 году из Вилюя, где был приписан в ссылку. Больше 40 лет. Невысокий ростом, изнуренного, болезненного вида. Очень начитанный. По своему мировоззрению и убеждению—анархист индвидуалист, но в нем очень мало от обычного рядового анархиста. Самоотвержен, с очень чуткой душой, отзывчивый ко всем. В первые дни забастовки он стал той тайной пружиной, которая двигала забастовку. Не советуясь с ним, мы не делали шага. Но он оставался всегда в тени,

когда это касалось массовых собраний. Он же был членом нашего неофициального «Тайного совета». Официально выборным не был, по тем же причинам, что и я».

«Черепицын или Кирпичин, Григорий. Не знаю, это его настоящая фамилия или нет. Политический ссыльный. Отец по его делу повешен, а сын, как несовершеннолетний, приговорен в ссылку. Невысокого роста, с внушительным носом, замечательно хороший оратор-массовик. Предан душой рабочему делу. Каких убеждений, не знаю. Я назову его социалистом в самом широком смысле этого слова. На приисках он жил нелегально под вышеуказанными фамилиями, сам иногда перепутывая. Рабочие его знали, как «Гришку». Он принимал участие в нашем «Тайном совете» и всегда переписывал для гектографирования воззвания на подобие русских печатных букв. Официально не был избранным, но участвовал в забастовке во всех делах. Он даже не числился рабочим у «Лензото». Не имел квартиры, а также средств. Ночевал, где его ночь застигнет, и питался, чем ему предложат. Арестован не был. Ему можно приписать заслугой то, что рабочие Феодосиевского прииска не попали под расстрел 4-го апреля. Поскольку мне известно, он предупредил рабочих Феодосиевского прииска, чтобы не шли к прокурору с «сознательными записками», предвидя тут ловушку».

«Павел Баташев («Рваная шапка»), рабочий, слесарь, средних лет. На приисках появился в 1911 году, ничем до забастовки себя не проявил. Любил изрядно выпить, пошуметь. Когда возникла забастовка, оказался хорошим массовым оратором. Себя считал соц.-демократом... Откуда родиной, не знаю, но судя по какой-то выро-

ненной фразе, он из Тульских самоварных мастеров; отличался как хороший массовый оратор, но не имел выдержки, характера. Это особенно подтвердилось, когда мы возвратились от Тульчинского и были убеждены, что забастовку надо кончить. Он так искренне был в этом убежден, но, когда выступил перед массой и когда увидел, что рабочая масса его не принимает с обычным энтузиазмом, он говорил вяло и речь кончал, что можно поступить и так и этак. Его нельзя назвать вождем, который может этой же массе сказать правду в глаза, насколько неприятна она ни была бы для этой же массы. Он из тех людей, которые, обладая даром слова, стихийно выбираются массой, как ее выразители, без всякого определенного, более дальновидного плана. В Сибирь он приехал сам, будто бы гонимый на родине полицией. Бывшего члена государственной думы Баташева, сосланного в Мартыновскую волость по Киренге, он называл своим двоюродным братом...»

«Гриша» и Баташев умели говорить обо всем, что было близко сердцу рабочих. Многие, слушая их, плакали как дети...»

«З е л е н к о (имя и отчество не помню). Рабочий, слесарь Андреевского прииска, политический ссыльный, партийность не знаю. Пользовался влиянием на Андреевском прииске среди рабочих. Наездом участвовал в «Бюро». Был арестован после расстрела и выслан в Якутск, но по дороге бежал—куда—не знаю.»

«П о п о в (имя и отчество не помню). Студент кажется, Петербургского Технологического Института. Выключен за беспорядки. Уроженец Якутского края. До начала забастовки служил помощником начальника станции на Александровской жел. дороге. До забастовки был предупрежден

о рассчете, почему—не знаю. Ничего особенного из себя не представлял. Его мировоззрений и убеждений не знаю. Кажется, никаких. Официально выборным, кажется, не был. Но участвовал отчасти в «Центральном бюро»; во время расстрела был ранен. После выздоровления арестовали, вместе со мной выслан на место приписки.

«Будевицы, Евгений Александрович и жена его, Лидия Михайловна. Латыши; он—рабочий слесарь; жена—бывшая гувернантка, окончившая гимназию, оба не партийные. В Сибирь пришли по своей воле. На приисках с 1909 года. Внешне ничем себя не выдавали, но принимали участие во всех конспиративных делах забастовки. Оба, безусловно, преданы рабочему делу. Будевиц был арестован вместе со мной.»

«Вот и все мои ближайшие участники, которые непосредственно работали со мной. Понятно, что были кроме них еще другие, но они не работали постоянно, и их работа была случайного характера. Как на таких, укажу на следующих: Журавлев, Дмитрий—токарь по металлу; Вязовой—слесарь; Попов 2-й—рабочий, выборный Александровского прииска. Также некоторые ссыльные исполняли разные, отчасти рискованные «поручения».

Относительно самого Думпе известно, к сожалению, очень мало. Э. Думпе латыш, рабочий, в 1906 году был приговорен к ссылке на поселение за работу в латышском соц.-дем. союзе. Один из главных руководителей ленской забастовки. В последнее время проживал в г. Киренске, Иркутской губ.

Вот то немногое, что известно о главарях ленской стачки.

Организация профсоюза. Пользуясь настроением рабочих—рассказывает далее Думпе—руководители вели с ним частые беседы, во время которых старались популяризировать идею организации на приисках профессионального союза. Сплоченность, возникшая во время забастовки, неизбежно должна была исчезнуть с окончанием движения. Ни для кого не было секретом, что и вожди движения, при любом исходе дела, так или иначе будут удалены с приисков и тогда вся огромная, проделанная работа должна будет исчезнуть без следа.

Конечно, о легальном союзе нечего было и думать. Поэтому велась подготовка к созданию нелегального союза, в основу которого должен был лечь институт старост. Было придумано название союза—«Кайло и Лопата»—олицетворявшие труд горнорабочего. За несколько дней до расстрела был разработан подробный устав союза. Накануне расстрела, 3-го апреля «Тайным советом» было выпущено гектографированное воззвание уже за подписью союза, призывавшее рабочих к об'единению вокруг своей профессиональной организации.

Литературная агитация. Это воззвание исходившее от руководящей группы рабочих, не было единственным. Потребность в печатном слове остро ощущалась все время и удовлетворялась по мере сил и возможности. В руках рабочих имелся гектограф, на котором печатались все воззвания.

В первых числах марта было выпущено первое воззвание в тот момент, когда порвалась связь между рабочими и управлением и возникла потребность установить более тесную связь между рабочими и поднять их настроение.

В период затишья, числа с 12 до 25-го марта, было выпущено около 7 воззваний, в которых освещались наиболее выдающиеся события и внушалось рабочим «держать ухо востро», соблюдать дисциплину и не поддаваться провокации». Вместе с тем воззвания предупреждали о том, что полиция готовит для рабочих что-то неладное.

Все воззвания выходили под заголовком: «Рабочим от рабочих» за подписью: «Рабочие». «Характер их—замечает Думпе—был строго законный и экономический. Чего-либо политического педантично избегали, так что придираться не мог ни один искуснейший прокурор».

Таким образом, за время стачки до момента ареста руководителей было выпущено около 10 воззваний.

Архив ленского движения. Руководители чрезвычайно сознательно и бережно относились ко всем документам, касавшимся забастовки. Сознавая огромное политическое и историческое их значение для пролетариата всей России, они решили составить и сохранить архив забастовки. Каждая бумажка,—рассказывает Думпе,—каждый документ, имевший отношение к забастовке, переписывался в трех экземплярах и прятался в трех разных местах. Было намерение вести журналы и дневники, но за неимением свободного времени это откладывалось со дня на день и так и не было приведено в исполнение.

Что касается архива, то участь его неизвестна. Один комплект архива —по словам Думпе—после расстрела был сразу же вывезен рабочими с приисков. Они должны были доставить его в Петербург в адрес присяжного поверенного Соколова. Куда девались два остальных комплекта, никто не

знает. «Во всяком случае,—полагает Думпе,—в руки правительства они не попали, иначе они бы фигурировали в качестве обвинительного материала».

Колебания среди руководителей и стойкость массы.

22-го марта на прииска приехали окружной инженер Тульчинский и жандармский ротмистр Трещенков, которому фактически была передана вся власть над бастующими и всем районом.

Появление на приисках Трещенкова и вместе с ним тов. прокурора Преображенского сразу сгустило атмосферу. Они привели солдат. Рабочим стало ясно, каким путем собирается с ними разговаривать «Лензото», стало ясно, что оно добивается кровопускания. Вопрос только: когда и где. Администрация сразу стала вести себя угрожающе, прибегая нередко и к явной провокации.

Многие из рабочих возлагали свои надежды на окружного инженера Тульчинского, единственного человека из начальства, пользовавшегося некоторым доверием и популярностью среди рабочих. Тогда они еще не имели представления о его двойной игре. На Тульчинского надеялись, от него ждали помощи.

24-го марта Тульчинский пригласил к себе на совещание выборных. 25-го *) 52 человека, в том числе 2 женщины, к 4 часам толпой явились на Успенский прииск к дому Тульчинского.

В воспоминаниях Думпе, участника этого совещания, находим весьма красочное описание его, которое заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным целиком:

---

*) 25-го по словам Думпе, по запискам Тульчинского—24-го.

«Еще не было 4 часов, и мы разбрелись по его квартире. Помню еще такую подробность. Тульчинский, между прочим, сказал: «Мне, как порядочному хозяину, надо было бы вас напоить чаем, и я это хотел сделать, но мой Иван мне отсоветовал и говорил, что если мы выборных угостим, то по рабочим пойдет слух, что мы их купили стаканом чая. Пожалуй, что он прав, итак чаем я вас не буду угощать, прошу извинить».

«С часами в руках Тульчинский дождался ровно 4 часов и тогда об'явил собрание или совещание открытым. С нашей стороны выступил с подробным докладом о всем случившемся Баташев, после чего мы делали кое-какие дополнения, а потом выступил Тульчинский. Его речь продолжалась более двух часов. Начал он с того, что кратко обрисовал свою борьбу с беззакониями «Лензото». Дело дошло до того, что он уже себя считал побежденным Белозеровым и компанией. Его от'езд в Петербург был вызван интригами «Лензото», на что он должен был дать лично отпор. Он уже давно предупреждал высшие власти, что возможна забастовка и, вообще, незаконные действия «Лензото» могут кончиться большим несчастьем. Теперь, заручившись особенным полномочием и поддержкой властей, он в силах опять бороться с «Лензото» и исполнять все законные требования рабочих. Он признал, что договор нарушен «Лензотом», это бесспорно. Из 16 требований 14 законом предусмотрены и должны «Лензото» быть приняты безоговорочно. Только требования 30% прибавки и 8-часового рабочего дня вне его компетенции. Но и 8-часовой рабочий день законом предвиден в мокрых шахтах, и там частично он обещал ввести».

Колебания и раскол среди выборщиков. «Хотя это не было то, чего мы ожидали и на что надеялись, но это было кое-что. Но тут у нас возникла загвоздка. Он ставил условие, что он это сделает и что за это он ручается, но сделает только тогда, если мы ему пойдем навстречу, т.-е. выйдем на третий день Пасхи на работу. Он, кажется, был искренен, и его речь внушала доверие. Я задал ему вопрос: «Какую мы имеем гарантию, что нас, вышедших на работу, «Лензото» не обманет?» На это Тульчинский с дрожью в голосе нам заявил, что он искренне верит рабочему делу и всегда боролся против обид рабочих, о том знают все рабочие всех приисков, а теперь, когда на него смотрит вся Россия, и он, благодаря полномочиям от министерства, может заставить «Лензото» слушаться того, что говорилось в законах,—он рабочих не обманет. Мы своим выходом на работу можем ему в этом помочь (так приблизительно, насколько я помню, он говорил, или, вернее, смысл его слов был таков).

«Сделали перерыв. Тульчинский, чтобы нас не стеснять, на это время удалился. Мы обсудили все нами слышанное. Нас смущало только то, что мы должны доверить Тульчинскому окончить забастовку, став на работу на третий день Пасхи, но и наше положение было из рук вон плохо. С одной стороны, Трещенков, Преображенский и солдаты и проч.—они наверное скоро выйдут воткрытую и начнут действовать. С другой стороны, выход на работу только благодаря обещаниям Тульчинского.

«Большинство склонялось за выход на работу, принимая во внимание, что, если не будут выполнены наши требования, то можем через месяц или больше забастовать снова. Выходя на

работу, мы могли убить двух зайцев. Во-первых, так как рабочие стали на работу, то Трещенков и другие должны будут удалиться, ибо ничего не останется усмирять. Во-вторых, мы могли проверить, насколько искренни намерения правительства, в лице Тульчинского, улучшить быт рабочих. А главное, что мы теперь были организованы и могли действовать одновременно. Одновременно стать на работу и одновременно забастовать. Мы можем сказать, что выходим на работу по собственному желанию не разбитые. Так и тому подобное было у нас суждение.

«Приступили к голосованию. Голосовали тайно. Оказалось 13 человек против выхода на работу. Они открыто заявили, что они не подчинятся большинству. Ими руководил некий Быков, кажется с Иннокентьевского прииска. Они ставили вопрос ребром: или исполнят требования сейчас же, или продолжать бастовать. С этим наше заседание было кончено в 11 часов ночи.

«Было решено во время 1-го и 2-го дня Пасхи подготовить рабочих к окончанию забастовки и выйти на третий день с утра со свистком на работу. Среди нас в «Центральном Бюро» не было разногласия в оценке момента. Благоразумие подсказывало, что во избежание жертв, нужно выйти на работу и этим разрядить сгустившуюся атмосферу. Этим мы выбили бы у Трещенкова и компании из рук оружие. Это сознавали и все более развитые выборные»...

Рабочие против прекращения борьбы. Выборные понесли к рабочим свое решение и пытались уговорить их стать на работу. Но, ввиду того, что и в среде выборных не было единодушия, а наоборот, все усиливались колебания, уговоры не возымели должного действия. Мнения

рабочих резко разделились, при чем за выход на работу высказывалось меньшинство. Приезжал Тульчинский и выступал перед рабочими, но его речи на этот раз звучали как-то особенно неубедительно и фальшиво.

В этом случае, вспоминает с сожалением Думпе, оставшийся тогда в меньшинстве, давало себя чувствовать одно упущение, на которое главари стачки до тех пор не обращали внимания—а именно: до сих пор масса подготовлялась лишь к тому, чтобы поддерживать забастовку и совершенно не была подготовлена к тому, чтобы по первому зову стать на работу, когда этого потребует момент. Дисциплина, выходит, была односторонней...

Для характеристики разброда среди выборных, небезынтересно привести анонимное письмо, сохраняя его стиль, полученное в эти дни Тульчинским:

Добрейший и честнейший
Константин Николаевич!

Печась и жалея народ, так же, как и Вы, и доверяя вам, мы, некоторые из здравомыслящих выборных, просим Вас испробовать еще одно последнее средство, это взять на себя труд с'ездить на Феодосиевский пр. и испробовать уговорить рабочих и призвать к благоразумию. Может быть Вам своим влиянием удастся там убедить, ибо по имеющимся у нас сведениям, там происходит борьба половины на половину, а так как Феодосиевской прииск, как самый больший, произведет своим выходом на работу подобающее впечатление и на другие станы. Александровского, пр. рабочие настроены таковаго, как и Андреевские. Если же и Феодосиевские не послушают Вашего совета, то и не нужно Вам будет за них болеть

душой, пусть в будущем будут умнее и других научат «чем хуже тем лучше» и понесут должное возмездие для уразумения не слушать крикунов, а здравомыслящих и логически доказывающих вместе с Вами их пользу выхода, и этим желающих им добра выборных и некоторых рабочих.

Верящие Вам выборные».

Однако уговорами и обещаниями уж нельзя было переубедить рабочих, и они твердо стояли на своем. Когда на третий день Пасхи был подан свисток, на работу, вышло незначительное количество рабочих. Вышли мастеровые Надеждинского и Андреевского приисков и часть Александровского и Феодосиевского приисков.

«К вечеру,—пишет Думпе,—когда мы собрали достаточно материалу о вышедших на работу, то выяснилось, что на работу вышло меньшинство. Ввиду этого, ради сохранения дисциплины, которую мы все время прививали, нам пришлось об'явить, что забастовка продолжается».

Подготовка расстрела.

В погоне за подстрекателями. Между тем, Трещенкову было хорошо известно, что с приездом Тульчинского возобновились переговоры с рабочими. Ему было также известно о колебаниях среди выборных и о склонности некоторых из них к прекращению забастовки. Но он все эти факты сознательно игнорировал и начал усиленно подготовлять другую развязку событий.

Верный испытанным приемам царской жандармерии, Трещенков начал с розысков «подстрека-

телей и агитаторов». Уже через несколько дней после своего приезда (27-го марта) он телеграфирует губернатору:

«Забастовкой рабочих руководит стачечный комитет, на приисках раз'езжают агитаторы, поддерживающие забастовку. Были неоднократные случаи насильственного снятия рабочих забастовщиками под угрозой избиения... Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов, стачечный комитет, бастующих ссыльных, кои мною выяснены в числе 17, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию... Есть основания предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана».

Наконец-то, правление «Лензото» получило то, чего оно все время так добивалось: «настоящей» информации для оправдания намеченного ею плана ликвидации забастовки и «настоящего» человека для надлежащего проведения в жизнь этого плана. Недаром ведь оно так настаивало на отправке на прииска усиленной воинской команды вместе с ответственным представителем полицейской или жандармской власти!

Аналогичную информацию Трещенков начал посылать периодически, при чем кровавые его замыслы выявлялись все более и более четко. Так, во второй своей телеграмме Трещенков уже ходатайствует о введении на территории приисков положения об усиленной охране, что в условиях царизма значительно облегчало расправу.

Трещенков, конечно, не был одинок в своих замыслах. Громкая слава его, как руководителя карательной экспедиции на Сормовских заводах, усмирителя Нижнего-Новгорода в 1905 году была достаточной гарантией, что и здесь он не ударит

лицом в грязь, а потому все жаждавшие расправы с рабочими сразу начали группироваться вокруг Трещенкова, всячески поощряя его на «решительные» и «энергичные» действия.

Высший представитель администрации приисков Теппан как-то заявил, что «деятельность Лензото настолько важна для государства, что можно уложить для спасения дела человек 60». Начальник воинской команды Санжаренко громко выражал сожаление, что все еще «не пришлось рук погреть». Это же настроение поддерживали и судья Хитун, и тов. прокурора Преображенский.

Получив, при содействии правленцев, полную свободу действий от своего высшего начальства *), Трещенков решил форсировать события.

План его, хорошо обдуманный и разработанный «коллегиально» в заседании «военного совета в составе Трещенкова, Теппана, Хитуна и Преображенского, был до чрезвычайности прост.

Надо во что бы то ни стало вызвать рабочих на эксцессы, которые оправдали бы «решительные меры воздействия». Вывести рабочих, проявляющих все время необычайную воздержанность и дисциплину, из равновесия легче всего арестом выборных, которым рабочие обещали ни в коем случае не выдавать их. Остальное само приложится...

Военным штабом «Лензото» был также предусмотрен случай, если рабочие почему-либо не реагируют достаточно резко на арест своих выборных. На этот случай в «стратегический» план была внесена соответствующая «поправка», сущность ко-

---

*) Департамент полиции через нач. иркутского губ. жанд. управления предложил Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет.

торой сводилась к тому, что под тем или иным предлогом надо будет собрать в одно место всех бастующих, дабы они имели вид «скопища». За «враждебными же намерениями» толпы и другими необходимыми в таких случаях атрибусами остановк, конечно, не будет.

Так был задуман и хладнокровно разработан адский план кровавой расправы с безоружными пролетариями, выступившими на защиту своих кровных интересов, грубо попиравшихся хищным и ненасытным капиталом при содействии и поддержке царизма...

В тупике. Над пятитысячной массой, заброшенной в дикую тайгу и отданной в полное распоряжение ненасытного капитала, нависли грозные кровавые тучи. Атмосфера сгущалась с каждым днем.

Рабочие были загнаны в глухой беспросветный тупик. Руководители стачки сознавали, какой выход готовит им капитал. Тщетно ломали они голову над вопросом, что делать? Среди политических ссыльных и немногих лиц, принимавших участие в «Тайном совете», поднят был даже вопрос о вооруженном восстании.

«В наших руках,—пишет Думпе,—или, вернее, под нашим караулом находился Феодосиевский динамитный склад. Среди рабочих было много опытных пальщиков, прекрасно умевших обращаться с динамитом. Кроме того, две трети всех рабочих отбыли военную службу. Солдат во всем приисковом районе вместе с Бодайбо было около 200. Мы не сомневались в благоприятном исходе для нас. Солдат и вообще местную власть мы могли прогнать, уничтожить, с'естных продуктов тоже бы хватило на полгода.

«Но весь вопрос, что будет потом? Ведь мы не могли ожидать откуда-либо поддержки. Революционные организации о себе молчали. В таком случае осталось только одно—уничтожить, сравнять с землей все лензотовское и разбежаться. Это было бы то же самое, что здесь на приисках случалось уже раньше, только получалось более грандиозным по своим размерам. И раньше были здесь «бунты», где кое-кого убивали, кое-что разрушали, сжигали, а потом их усмиряли, кое-кого судили, а остальные опять стали работать, иногда при условиях еще худших. Это для нас не могло быть исходом из того тупика, из которого искали выхода. Это был бы после стихийно возникшей забастовки и стихийный ее конец. С этим мы не могли мириться, ведь стихийных жертв было уж так много в русском рабочем движении и все это бесцельно. Потому пусть будет—что будет».

29-го марта Тульчинский еще пробовал увещевать рабочих, предлагая им 30-го стать на работу, ничего определенного фактически не обещая. Рабочие, конечно, на работу не вышли.

31-го марта несколько выборных обратились к тов. прокурора Преображенскому с различными заявлениями от имени рабочих. Но последний отказался разговаривать с выборными, заявив, что он считает их агитаторами. Пусть,—заявил он,— каждый рабочий в отдельности лично подаст свое прошение, или же представит удостоверение, что он действительно уполномачивает такого-то быть его выборным.

Рабочие узнав, что их выборных не признают и с ними не желают разговаривать, требуя полно-

мочия на то от каждого рабочего в отдельности, спешно начали заготовлять такие удостоверения, которые среди рабочих назывались «сознательными записками».

Два-три дня рабочие были заняты заготовлением «сознательных записок», которые они решили «всем народом» передать тов. прокурора.

Отсрочка расправы. Атмосфера уже настолько была раскалена, что 3-го апреля чуть было не случилось того, что случилось 4-го. На Александровском прииске рабочие обнаружили гнилое мясо. Были вызваны власти, явился Тульчинский и в присутствии выборных начали составлять протокол.

Трещенков, жаждавший «погреть руки», увидя толпу, выхватил револьвер, с криком: «расходись, сволочи! стрелять буду!» бросился разгонять ее. Однако рабочие его не испугались, раздалось несколько голосов: «сам сволочь!», после чего вся толпа затюкала на него.

Раз'яренный Трещенков бросился к телефону и вызвал солдат с Надеждинского прииска. На линии железной дороги стоял всегда наготове поезд для переброски солдат, куда понадобится.

Выборные Александровского прииска немедленно сообщили о случившемся «Центральному бюро». Думпе с Баташевым бросились на Александровский прииск ближайшим путем.

«Так как Баташев был самый популярный человек для толпы,—рассказывает Думпе, — то его сразу послушались. Он крикнул, чтоб немедленно рабочие очистили площадь и уходили в бараки, а об'ясняться он будет позже. Когда последние

рабочие покинули площадь, со стороны железной дороги выходили солдаты. Для них это было уже поздно, ибо на площади никого уже не было. Остались у погреба только полиция и выборные».

Хотя рабочие мирно разошлись, однако Трещенков не преминул телеграфировать в Иркутск и Петербург, что он разогнал тысячную толпу, которая угрожала разнести магазин.

Двуличие Тульчинского. Кстати и Тульчинский, все время на словах сочувствовавший рабочим и стоявший на их стороне, в действительности за спиной их слал по начальству телеграммы, которые весьма недвусмысленно рисуют его истинную роль ставленника капитала во время ленских событий.

2-го апреля он телеграфировал иркутскому губернатору о положении дел, добавляя при этом: «Арестование некоторых, оказывающих вредное влияние представляется желательным»... И 3-го апреля после происшедшего на Александровском прииске, он вторично телеграфирует: «Полгал бы необходимым устранения возможных будущем осложнений немедленную посылку сюда сотни казаков».

Решившись преподать такой «совет» губернатору, Тульчинский, несомненно, высказал свое мнение и Трещенкову, для которого санкция Тульчинского, в силу его репутации «защитника рабочих», была весьма ценна.

Арест руководителей. В ночь с 3 на 4 апреля Трещенков с ротой солдат окружил рабо-

чие казармы, и одного за другим арестовал 10 из намеченных к «изъятию» руководителей. Арестованы были Думпе, Будевиц, Розенберг, Журавлев, Вязовой, Марцинковский и др.

Для усиления эффекта Трещенков обставил арест по всем правилам жандармского искусства.

Весьма образно арест описан в воспоминаниях Думпе.

«Я проснулся, рассказывает он,—от толчков за плечо. Открыв глаза, я увидел, что меня тряс за плечо урядник Феодосиевского прииска Тихонов. Он спрашивал мою фамилию и шарил у меня под подушкой. Кроме него, еще тут же стоял Трещенков, Преображенский, Хитун, офицера, а за ними солдаты и стражники. Трещенков подскочил и у меня спросил: «Бумаги дайте, бумаги, где бумаги?» Я спросил: «какие бумаги?» Он ответил: «бумаги центрального комитета?» На это я ответил, что не знаю никакого центрального комитета и не имею его бумаг. Весь этот диалог Трещенков говорил шопотом, а я отвечал по возможности громче. На меня все шикали, чтобы я говорил тише. На это я спросил грубо: «Вы, что красть пришли, что боитесь?» Моя цель была разбудить барак, чтобы знали, кто меня увел. У них, видно, было намерение увести тайком, потому я и скандалил. Но мое намерение предупредили. В это время раздался душу раздирающий крик: «Спасайте, спасайте, режут!» Все бросились на крик, и меня на несколько минут оставили одного. Оказалось, что кричал «пилозуб» Брамин или Бармин. Он служил Трещенкову, как предатель. А так как его мучила его нечистая совесть, он, услышав, что в коридоре шепчется много народу, подумал, что пришли его карать. Оказывается, что он пытался бежать в окно, но там стояли двое солдат, которые его не пу-

стили. Крик поднял весь барак на ноги. Стали делать обыск, но ничего ни у меня, ни у других не нашли. Потом об'явили, что нас доведут только до Надеждинской станции. Но я, наученый опытом, этому не поверил, и взял с собой одеяло, подушку, кружку, полотенце и чайник и также кое-что из с'естного. Преображенский сделал мне ироническое замечание: «Видно, что это вам не в первый раз»...

...«Весь наш барак был оцеплен солдатами и когда мы выходили, то до железной дороги они нас проводили. Здесь нас поместили в вагон и человек сорок солдат с нами. Поезд состоял из двух вагонов и двух паровозов, при чем один паровоз на некотором расстоянии шел впереди, постоянно свистя. Ровно в 8 часов нас привезли в Бодайбо. По дороге, на Васильевской, к нам еще посадили 4-х человек: Солонина, Соловьева и еще двух, фамилии которых не припомню. Нас не везли до вокзала и поезд остановили раньше и провели прямо в тюрьму».

По словам выборного Будевица, Трещенков об'явил, что арестованные обвиняются по 126 ст. за вооруженное скопище. Допроса не было. Из Бодайбо через 4 дня по распутице в ужасных условиях арестованных отправили в Киренск. В санях была вода, случалось, сани проваливались вместе с седоками. Обращение было суровое. В Киренске они просидели 3½ месяца.

Арест руководителей стачки удался Трещенкову как нельзя лучше. Это подбадривало палача, укрепляя его в надежде на благоприятный исход всей «операции», продолжение и конец которой не заставили себя долго ждать.

Кровавая развязка приближалась.

Кровавая расправа.

Утром, 4-го апреля, на всех приисках стало известно о происшедших ночью арестах выборных.

Рабочие Андреевского прииска тотчас же отправились к Тульчинскому, чтобы справиться о судьбе арестованных и похлопотать об их освобождении. Кроме того, рабочие жаловались на то, что им не дают расчета, задерживая заработанные деньги, семейным все еще выдают «холостой» паек, хотя уже имеется распоряжение губернатора о выдаче семейным двойного пайка и т. п.

Тульчинский определенного ответа на поставленные вопросы не дал, если не считать глухого обещания похлопотать за арестованных.

После беседы с Тульчинским рабочие отправились с теми же вопросами, а также, чтобы подать «сознательные записки», на Надеждинский прииск, где находилась главная контора и жили все начальствующие лица. Первыми, по словам «Ленского Шахтера», шли рабочие Утесистого прииска. По пути они захватили рабочих 44-го, Андреевского, Успенского, Накати-Варваринского, Ново-Васильевского, Пророк-Ильинского, Нижне-Липаевского и Александровского приисков.

Пространство от Утесистого прииска до Надеждинского прииска—32 версты было пройдено в 6—7 часов. По пути рабочие присоединялись к толпе и перед Надеждинским прииском она уже достигла трех с половиной тысяч человек.

В это самое время рабочие Феодосиевского прииска, самого близкого к Надеждинскому, пошли в свою приисковую контору с теми же намерениями, что и андреевцы. Но к своему удивлению контора оказалась пустой, равно как и квартиры служащих, при чем некоторые из последних

уже на глазах рабочих спешно вывозили свои семьи.

Вдруг откуда-то появились стражники, в контору привезли ружья, которые им тут же были розданы. Вскоре подошел поезд с солдатами. Последние вылезли из вагонов и выстроились у моста. Трещенков, приехавший с солдатами, направился к рабочим и издали закричал: «расходись, стрелять буду». Рабочие не тронулись с места. Трещенков тогда отвел солдат и выстроил их около полотна железной дороги лицом к Феодосиевской конторе. Солдаты, повидимому, чтобы напугать рабочих, брали ружья на прицел, вставали на одно колено и т. п.

Наконец, приехал управляющий прииском Самохвалов, которого рабочие все время дожидались. Но вместо того, чтобы дать прямой ответ на вопросы рабочих, он начал настойчиво рекомендовать им сейчас же отправиться на Надеждинский прииск. Рабочие, заподозрив неладное, так как для этого им пришлось бы пересечь дорогу, которую занимали солдаты, категорически отказались последовать его совету.

Когда же рабочие потребовали освобождения арестованных товарищей, Самохвалов им заявил, что арест—дело рук Тульчинского, который ночью ходил с фонариком и показывал, кого арестовать.

Возмущенные этим сообщением, рабочие по телефону вызвали Тульчинского. Последний, конечно, отрицал свою причастность к арестам и обещал к 9 часам утра следующего дня дать определенный ответ о судьбе арестованных. После этого Феодосиевцы разошлись по казармам.

Рабочие в тот момент и не подозревали, как близки они были от катастрофы. Все уже было готово. Трещенков, Хитун и Преображенский

только ждали, чтобы рабочие послушались Самохвалова и направились на Надеждинский прииск, что впоследствии могло бы быть представлено, как нападение на солдат. Сколько пролетарской крови было бы пролито из-за этой гнусной провокации? Но феодосиевцам повезло. Они вернулись в казармы невредимыми.

Между тем, рабочие, вышедшие утром из Утесистого и других попутных приисков, приближались к Надеждинскому, где находилась главная контора. В 2 часа дня они уже были на Александровском прииске, что в двух верстах от Надеждинского. Остановившись здесь на некоторое время для обсуждения вместе с александровцами плана дальнейших действий, толпа, возросшая до 3½ тысяч человек, вскоре отправилась дальше. Впереди шли выборные, затем семейные, а дальше остальные. У рабочих в руках были «сознательные записки».

«У каждого рабочего,—сообщает «Ленский Шахтер,»—было заготовлено заявление, что «он бастует непринужденно, совершенно сознательно, по своей доброй воле, имея в виду только одно, что договор нарушили ленцы, а поэтому он свободен отказаться от всякой работы до заключения нового договора, который не заключается не по его вине».

Трещенков, который с Феодосиевского прииска перешел с солдатами на Надеждинский, все время получал от своих агентов сведения о движении толпы, ее составе, настроении и намерениях. Тем не менее он не только не принимал мер к приостановлению продвижения толпы, но на все донесения неизменно отвечал: «пусть идут». Но после каждого такого донесения Трещенков подходил к воинской команде и в чем-то горячо убеждал солдат,

указывая рукой по направлению, откуда двигалась толпа.

Как потом выяснилось, это он возбуждал солдат, запугивая их сведениями из «достоверных источников», что идет многотысячная вооруженная толпа забастовщиков для разоружения команды и расправы с нею за ночные аресты выборных.

Когда толпа уже находилась на расстоянии нескольких сот саженей от народного дома Надеждинского прииска, где были размещены солдаты, Трещенков, после небольшого военного совета с Санжаренко, начальником местной команды Лепиным и Тульчинским (после совета к ним присоединились и Хитун с Преображенским), выстроив солдат в две шеренги цепью поперек дороги, приказал сыграть «сбор».

Когда головная часть толпы начала приближаться к повороту тракта на Надеждинский прииск, Тульчинский отделился от группы «военачальников» и направился к толпе. Передние ряды рабочих окружили его и передали ему прошение, которое он тут же начал читать.

В этом прошении рабочие указывали на то, что работу они прекратили по вине «Лензото», которое нарушило догововр и обявило рабочих расчитанными. «Вновь вступать на старых условиях не желаем,—говорится в прошении,—а свое право будем искать по суду. За все 35 неработанных дней среди нас не появлялось ни малейшего беспорядка и насилия, никаких главарей и подстрекателей у нас нет, если же наши охранители ищут среди нас таковых, то это не главари, а те, которых по требованию г. исправника мы послали для об'яснения с администрацией, который заявил, что со всеми нами, как с баранами, говорить не желает. Вы также потребовали на об'-

яснение послать некоторых лиц, но не всех. Если правосудия найдут почему-либо нужным арестовать нескольких лиц, как говорит начальство, для об'яснений, то мы просим эти об'яснения делать не ночью набегом, а к Вашим и ихним услугам днем и не с отдельными лицами, а со всеми нами, так как мы действуем каждый по своему убеждению и своей личной совести, примером служат те лица, которые хотели работать, те и работают, мы не препятствуем им, а всего ясней то, что мы каждый в отдельности от себя дал письменное заявление товарищу прокурору. За тишиной и порядком наблюдаем сами строго за собой. Заявляем Вам, если еще нашими охранителями повторится попытка арестовать наших так называемых «главарей», то это будет провокация со стороны наших охранителей...

...«Мы просим Вас не охранять, так как мы сами себя охраняем. Копию с этого заявления мы оповестим миру, если пожелаете наши подписи, мы по первому требованию таковые представим. Бывшие рабочие Л. З. Т. в том подписуемся Андреевского прииска, Пророко-Ильинского прииска, Александровского прииска».

Часть рабочих в это время оставила ряды и рассеилась кто на бревнах, кто на изгороди. Задние ряды продолжали напирать, желая узнать причину остановки. **В это время Трещенков сделал рукой какой-то знак, и вдруг раздался залп.** Рабочие в первый момент думали, что это предупредительный залп холостыми патронами. **Но, увидев вокруг себя убитых и раненых, услышав стоны, бросились на землю, а задние ряды бросились бежать. Вслед за первым залпом началась стрельба пачками по лежащим и убегавшим. Израсходовав**

всю обойму, солдаты снова заряжали ружья и продолжали стрелять.

Так продолжалось довольно продолжительное время. Пули свистели, пересекая воздух во всех направлениях, щупая и разыскивая уцелевших и убегающих. Трудно передать словами весь ужас, пережитый толпой...

..«Кругом,—рассказывает выборный Д. С.—кто ползи, кто сидел, кто лежал без движения. Стоит стон, кричат: «погибаю, прощайте, братцы!». Кто сидел на заборах, кто на городьбе, так тут их и захватывали пули».

«В котловине в беспорядочном виде,—читаем в летописи церкви Благовещенского прииска,—навалены груды убитых. У некоторых на лице выражено беспредельное страдание. Много обезображенных от пуль. Кругом толпа родственников. Жены убитых, перешагивая через трупы, в массе находили своих мужей, дети—отцов, кидались, как безумные, стоная и вопя о своем неожиданном горе и беспомощности. Картина воистину душу раздирающая. Ужас, царивший на этом месте, кажется проникал в самые тайники души человеческой. Хотелось плакать, рыдать, хотелось сделать чудо, чтобы сколько-нибудь помочь в постигшем горе несчастных сирот».

С ужасом вспоминает картину расстрела бывший рабочий ленских приисков М. Ф. Денисенко:

...«Мы заметили, что вдали на расстоянии около версты по полотну железной дороги стоит рота солдат сомкнутой колонной. Мы подумали, что они вызваны для поддержания порядка сюда... Когда же собрались в кучу, то поручик(?) Терещенко(в) отдал команду рассыпаться в цепь. Для чего, мы и этого не поняли. Душа наша была темна; а

когда солдаты рассыпались, он, палач Терещенко(в) скомандовал: «рота, пли»...

«Раздалось три залпа сразу и учащенная стрельба. Народ вдруг повалился, как подкошенный. Остальные побежали и стали прятаться за штабели леса»...

Одна из пуль настигла и рабочего Денисенко, ранив его в голову. Последствия раны—частые припадки и общее нервное расстройство.

«Толпа растянулась на огромное расстояние,— рассказывает горняк Мальцев в «Изв. Енисейского Губкома»,—и продолжала двигаться, нажимая на передние ряды, не соображая, что там случилось; когда же пули стали долетать до задних рядов, то и они стали ложиться на землю. Рядом со мной одного ранило в голову. После этого мы были окружены войсками и загнаны в барак, и трое суток не видели пищи. Всех переписали, допросили, доискивались организаторов, но рабочие заявили: все мы организаторы, хоть расстреливайте нас»...

..«Особенно много пошло женатых рабочих,— пишет там же Лидия Будевиц,—с прошением увеличить паек для семьи, и когда длинной вереницей потянулись по дороге, и толпа показалась необозримо громадной, то Терещенко(в) будто бы сказал солдатам, что вот идут рабочие, хотят вас обезоружить, а то и вовсе убить. Я тогда жила от места расстрела сажен в сто и простым глазом видела, как солдаты выстроились. Рабочие приближались, а солдаты были уже выстроены в боевом порядке, как раз поперек дороги, по которой шли рабочие. Инженер Тульчинский в этот момент возвращался с Феодосиевского прииска и успел перейти через мостик, и был в передних рядах рабочих; что он говорил им, я не могла слышать,

но говорили, что он уговаривал рабочих остановиться, не итти дальше и хотел начать с ними переговоры. Но в это время раздался залп. Тульчинский оказался под грудой упавших рабочих.

...«Рабочие говорили потом, что (солдаты) начали стрелять с тем, чтобы, убив Тульчинского, свалить убийство на рабочих и этим мотивировать расстрел, но Тульчинский остался жив. Все рабочие упали на землю. Картина была кошмарная. Рабочие были безоружны. Меня делегаты отправили после расстрела с телеграммой царю, и я пешком пошла в Бодайбо».

«Характерно,—сообщает «Ленский Шахтер»,— что в этот момент священник исполнял какие-то требы в церкви (церковь находилась в 50 саженях от Народного Дома по ту сторону железной дороги) и, услышав залпы, вышел из церкви. Увидав сотни людей, метавшихся в предсмертных агониях, тут же сошел с ума. Точно так же на приисках было зарегистровано до 10 случаев сумасшествия, преимущественно среди женщин»...

270 убитых, 250 изувеченных и искалеченных на всю жизнь, сотни вдов, тысячи сирот—таков краткий итог кровавого 4-го апреля.

Заметают следы.

Совершив кровавое дело, ленские палачи постарались замести следы своего преступления.

Когда убитых и раненых увезли—часто их сваливали вместе на одну подводу,—Трещенков приказал стражникам засыпать лужи крови и набросать на место расстрела побольше кольев и кирпичей. Стражники, во исполнение приказа начальства, собирали колья от изгороди, кирпичи,

оставшиеся от постройки, и все это разбрасывали по дороге, где стояла толпа.

«При мне,—рассказывает очевидец С—в,—ротмистр (Трещенков) в сопровождении судьи Хитуна и других лиц в форме, ходил между таборами и указывал стражникам собирать палки и колья, лежавшие между таборами, а также вытаскивать из-под десин».

О том же повествует и цитированная выше летопись приисковой церкви:

«Скоро, как только увезли раненых, начался подбор с совершенно других мест, чем где стояли рабочие, камней, стягов, дрекольев—в якобы свидетельское показание, что рабочие были вооружены и их движение носило характер нападения на войска».

Создав таким образом «неопровержимые вещественные доказательства», что толпа была вооружена, царский жандарм сейчас же послал донесение по начальству, в котором представил происшедшее в таком виде:

...«Во всем приисковом районе собрались рабочие, требуя выдачи немедленного расчета, держали себя крайне вызывающе, обещая силой освободить арестованных из Бодайбинской тюрьмы... В 5 часов рабочие, около 4.000, вооруженные палками, камнями, железными прутьями, двинулись на соединение с рабочими Феодосиевского прииска. На требование мое остановиться, наступали на воинскую команду и дошли на расстояние 160 шагов, после чего я вынужден был, в присутствии товарища прокурора и судьи, передать власть начальнику команды, который открыл огонь по толпе. После первого залпа толпа с криками «ура» хотела броситься на войска, но огонь команды

обратил ее в бегство. Убито 103, ранено 87, но есть еще раненые, которых унесла толпа».

Чтобы у высшего начальства не осталось никакого сомнения, что воинской команде угрожала серьезная опасность со стороны толпы рабочих, Трещенков заключает свою победную реляцию просьбой об'явить приисковый район на военном положении и экстренно выслать войска.

Аналогичные донесения, чуть ли не слово в слово повторяющие наглую ложь Трещенкова, послали своему начальству и начальник воинской команды Лепин и тов. прокурора Преображенский.

В таком же духе информировал начальство, следовательно, и общественное мнение и «рабочелюбец» Тульчинский. «Несмотря на предупреждения,—сообщил он,—сделанные сигналы, толпа, вооруженная кольями, кирпичами и камнями, угрожающе надвигалась на войска».

В самый критический момент, при посылке первых известий о расстреле, Тульчинский своим авторитетом «защитника рабочих» прикрыл кровавое преступление царизма и буржуазии. То обстоятельство, что он через несколько дней сам себя высек, опровергнув свое собственное донесение, по существу не меняет дела.

Теперь его роль в ленских событиях уже почти не подлежит сомнению. Чем больше он старался на словах прикидываться другом рабочих, тем более опасным врагом он для них был на деле.

Чисто случайное обстоятельство—то, что в момент расстрела Тульчинский оказался среди рабочих и вместе с ними подвергался опасности—в то время спасло его популярность среди рабочих, а у некоторых из них и до наших дней сохра-

нились о нем еще, к сожалению, хорошие воспоминания.

Так, например, бывший рабочий Денисенко, раненый в голову во время расстрела, в своих воспоминаниях явно фантазирует на счет Тульчинского:

«Помню последнее,—рассказывает он в «Красном Знамени»,—что осталось у меня в памяти:

«Инженер Тульчинский заплакал над трупами рабочих и крикнул! «Товарищи! идемте вперед, не устрашайтесь! Кровь прольем, а своего добьемся! Больше я не видел нашего инженера»...

Так умело вел свою двойную игру Тульчинский, что у некоторых рабочих даже и теперь, после того как опубликованы приведенные телеграммы его о необходимости присылки казаков, ареста выборных и т. п.,—все еще осталось воспоминание, как о друге рабочих во время их борьбы с «Лензото».

Для царских министров, с самого начала забастовки взявших курс на «решительное» ее подавление, этой информации было вполне достаточно, чтобы во всеоружии «неопровержимых фактов» доказывать в печати и в государственной думе, что Трещенков только исполнил свой долг, что сами рабочие, нападавшие на войска, вынудили власти прибегнуть к столь крайним мерам.

«Так было, так будет»—резюмировал свой ответ на запрос социал-демократической фракции по поводу ленского расстрела царский министр Макаров, оперируя указанными лживыми донесениями своих агентов.

Но в это же время в распоряжении рабочих депутатов и рабочей печати—«Звезды»—были уже и другие сведения, присланные рабочими, рисо-

вавшие кровавые события в далекой тайге так, как они происходили в действительности.

На приисках после расстрела.

Дальнейшее развитие событий на приисках после 4-го апреля должно быть прослежено в двух направлениях.

Местные агенты власти старались, с одной стороны, закрепить одержанную ими «победу», а с другой—скрыть следы преступления.

Для достижения этих целей властями вместе с администрацией приисков был пущен в ход ряд комбинированных мер.

5-го апреля за подписью Трещенкова было опубликовано обширное об'явление, которым бастующие предупреждаются, что «никоим образом не будут допущены какие-либо насилия, разгромы магазинов, поджоги, порча механизмов и сооружений. Сборища, хождения толпами с одного прииска на другой безусловно воспрещается и будут немедленно рассеиваться».

Смысл этого об'явления очевиден.

Но одна «словесность» не удовлетворяла человека «дела», каким себя показал Трещенков. Он с своими соратниками сразу же перешел от слов к делу. Против арестованных выборных был возбужден процесс по 126 ст. царского уложения, продолжались аресты уцелевших выборных и других более активных рабочих. Между прочим, взяли из больницы раненого участника стачки Попова. Завели следствие по обвинению рабочих в нападении на войска, спешно рассмотрели ряд «дел» по обвинению рабочих в «препятствии желающим работать» и всех обвиняемых приговорили к 4 месяцам тюрьмы.

Иркутский губернатор, тот самый, который раньше чуть ли не обвинял в забастовке «Ленэото» и убеждал министерство, что рабочие ведут себя мирно, после расстрела всячески старался загладить свою «вину». В особой телеграмме он предписывает Трещенкову «убыстрить арест скрывшихся членов статечного комитета».

Даже в вопросе о похоронах жертв кровавой расправы власти не могли себе отказать в удовольствии поиздеваться над рабочими. Несмотря на обещания последних не произносить речей и сохранить полный порядок, было разрешено присутствовать на похоронах, состоявшихся 8-го апреля, только родственникам, а у кого родственников не было, лишь двум знакомым.

Настроение рабочих в первые дни после расстрела нетрудно себе представить. Но, вопреки ожиданиям капиталистов и царских опричников, «сильное средство» возымело обратное действие.

После расстрела вопрос о возобновлении работы на приисках сам собою как-то был окончательно снят. Никто из рабочих, переживших ужасы 4-го апреля, и представить себе не мог, чтобы он был в состоянии снова спуститься в шахту, снова одеть на себя хозяйское ярмо.

Перед рабочим после 4-го апреля встали необычайно остро две задачи, которые поглотили все их внимание и энергию: раскрыть всю правду о расстреле, выявить всех его виновников и пособников и довести до успешного конца свою борьбу с «Ленэотом».

Работа во всех этих направлениях, невзирая на трещенковский режим, полицейский террор и запугивания администрации, велась ими необычайно энергично.

В первые же дни они разослали ряд телеграмм в Иркутск и в государственную думу, в которых подробно обрисовали события 4-го апреля.

Одновременно рабочие принимали все доступные им меры, чтобы устранить от участия в расследовании расстрела всех тех представителей власти, которые были прямыми или косвенными соучастниками его.

После 4-го апреля вопрос об экономических уступках—рабочих в своей массе больше не интересовал. Всеми их помыслами овладело одно стремление—раскрыть «всю правду» о кровавой расправе.

Ответ российского пролетариата.

Первое известие о ленском расстреле получилось в Петербурге 7-го апреля, а на следующий уже день почти весь номер единственной тогда легальной рабочей (большевистской) газеты «Звезда» была посвящена ленским событиям.

Газета вышла в траурной рамке во всю первую страницу. В меньшей рамке, которой открывался номер коротко сообщалось:

«На ленских приисках убито 270, ранено 250».

Затем ряд статей давал оценку событий.

«В мрачную историю русского рабочего движения,—говорилось в передовой статье, озаглавленной «Культурные способы»,—богатую невероятными образцами самого бессмысленного изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница...

«Не нужно ни песен, ни слез мертвецам!» Стойкая, сознательная, планомерная, организованная ра-

бота русского пролетариата для завоевания таких условий, при которых кровавые побоища будут и бесполезны и невозможны—вот лучший памятник убитым на Лене рабочим».

В статье «Жертвы больших барышей» писалось: «Когда говорят, что капитал пьет кровь рабочих, то противники рабочих считают это измышлением, преувеличением и т. д. Но в этом кровавом событии это становится до боли, до ужаса ощутительным и понятным».

Ряд других статей, помещенных в том же номере («Кровавый Кошмар», «Заметают» и др.) ярко осветил перед рабочими массами все стороны ленского кошмара.

В этом же номере, вышедшем на следующий день после получения первого известия о Лене, уже имеется и ряд протестов рабочих.

«Мы, служащие (и рабочие) балтийского завода, не можем молчать, не можем пройти мимо гнусной расправы при помощи штыков для набивания... карманов господ промышленников... Обращаемся к пролетариату России с призывом добиваться свободы собраний, стачек и т. д.»

Рабочие шелко-ткацкой фабрики Пантелеева писали: «Какой бы протест мы ни заявили, это было бы слабой тенью того душевного клокотания, какое каждый из нас переживал».

«В таком глубоком издевательстве над рабочим классом мы, рабочие (завода Осипова), обвиняем не только местных палачей, но и весь современный строй».

«Ни слезы, ни протесты не помогут нам,—говорится в резолюции рабочих фабрики Беккер, только организованная массовая борьба избавит нас от получения вместо хлеба,—пуль, вместо свободы—преждевременные могилы».

Уже в первые дни в редакцию «Звезды» поступало такое огромное количество протестов, что пришлось открыть особый отдел в половину газетной страницы «Ленский расстрел». Но и этот отдел не мог вместить всех поступавших со всех концов России протестов, и редакция вынуждена была приводить из каждой резолюции только по 1—2 наиболее характерные фразы, и впоследствии — только перечень предприятий или городов, из которых поступили протесты.

10—11 апреля в государственной думе обсуждался внесенный соц.-дем. фракцией запрос о ленском расстреле. Представители рабочих, на основании полученных ими с приисков материалов, раскрыли через головы буржуазно-помещичьего большинства думы перед всем миром кошмарную историю ленской забастовки и ее кровавой развязки. Царское правительство, в лице министра Макарова, под аплодисменты реакционного большинства, бросило в лицо всему пролетариату свое знаменитое, беспримерное по цинизму «Так было, так будет!» И российский пролетариат принял брошенный ему дерзкий вызов. Как только до провинции дошел телеграфный отчет о заседании государственной думы с выдержками из речи Макарова, повсюду начались массовые забастовки-протесты и демонстрации с красными знаменами и пением революционных песен. В центрах к движению рабочих присоединилось и студенчество. Некоторый отклик ленские события встретили и за границей.

Могучий, энергичный и единодушный протест, которым российский пролетариат ответил на расстрел рабочих в далекой сибирской тайге, вызвал сильное замешательство в рядах царских сатрапов. После своего знаменитого ответа Макаров уже

не решался показываться в думе. Царское правительство, если еще и не сознало, то почувствовало, что 4-ое апреля для него не пройдет даром.

И оно не ошиблось.

Любопытно отношение к ленским событиям и вызванному ими движению рабочих со стороны различных групп царско-буржуазной «общественности», как оно было зафиксировано в свое время в «Звезде».

Крайние черносотенцы с Замысловским и Марковым во главе с трудом скрывали свою радость по поводу расстрела рабочих. Они аплодировали Макарову. Натравливали власть на ленских агитаторов, на бастующих по России рабочих.

Умеренно-черносотенные помещики из группы Балашова и Крупенского также ничего по существу не имели против 4-го апреля. Они лишь жалели, что «их власть» действовала слишком открыто и «засыпалась». Они предлагали не церемониться с забастовщиками, демонстрантов подвергать более строгим наказаниям, арестованных агитаторов не выпускать из тюрьмы.

«Гучковские молодцы» (октябристы) были крайне удручены, что поддерживаемое ими министерство получило ряд «неприятностей», в виде запроса, забастовок и т. п. из-за «неправильного применения огнестрельного оружия местными агентами власти». После же выступления в думе министра торговли и промышленности Тимашева, они «ленский инцидент» считали исчерпанным.

Либеральная буржуазия (кадеты) с Милюковым во главе, конечно, не одобряла поступка Трещенкова и даже протестовала против него, но ответственным за ленское преступление она считала не царский режим в целом, а отдельных его

представителей. «Покаянная» речь Тимашева вполне удовлетворила и кадетов, которые после этого начали утверждать (в газете «Речь»), что ленский расстрел был «провокацией», а рабочие массы, поднявшие протест, являются жертвами или пособниками этой провокации.

Разлившимся могучей волной по всей стране забастовочным движением были недовольны и ликвидаторы-меньшевики. Их газета рекомендовала прекратить забастовки, не увлекаться «стачечным азартом».

Царская ревизия и конец забастовки.

Под стремительным напором стачечной волны, пронесшейся ураганом по всей стране, царское правительство вынуждено было назначить сенаторскую ревизию для расследования ленских событий. Это деликатное, в виду близости к «Лензото» министров и других высших сановников, дело было поручено «спецу» по ревизиям царскому сенатору Манухину. Последний перед от'ездом на Лену имел ряд совещаний с правлением «Лензото», что заранее, конечно, предопределяло характер, направление и исход ревизии.

Когда в Иркутске стало известно о назначении ревизии, местная власть начала подтягиваться. В конце мая на прииска выехал иркутский генерал-губернатор Князев, который прежде всего формально отстранил Трещенкова от власти над приисками, а затем нажал на администрацию приисков, чтобы и она подготовилась к ревизии.

Губернатором уже был отдан приказ о выселении с приисков рабочих до приезда ревизии, дабы устранить самых опасных свидетелей. Но,

благодаря решительному сопротивлению рабочих, этот приказ не был приведен в исполнение.

4-го июня на прииска приехал Манухин. Рабочие подготовили ряд материалов и документов, которые должны были осветить причины, возникновение и ход забастовки вплоть до кровавой бойни 4-го апреля.

Но Манухин начал выполнение «высочайше» возложенной на него задачи совсем с другого. Он прежде всего обратился к рабочим с воззванием, в котором призывал их преисполниться глубокой благодарностью к «державному повелителю» за высокое внимание и милость, которые тот оказал рабочим назначением ревизии и т. д. и т. п. Заканчивалось это воззвание обращением к бастующим «с помощью божьей и молитвой за царя приступить к работе».

Это было 4-го июня. А три дня спустя было довольно бездарно инсценировано «по желанию рабочих» торжественное молебствие «о здравии и благоденствии императора и всей царской семьи».

Реляции с выражением «верноподданических чувств 4.000 рабочих» казенным телеграфом были разнесены по всей стране, как признак перелома в настроении рабочих. Но насколько настроения рабочих в действительности были далеки от «верноподданичества», лучше всего видно из следующего весьма показательного факта.

Чиновник особых поручений при иркутском губернаторе Майша, желая выслужиться перед «высоким начальством», состряпал глубоко «патриотическое» обращение-благодарность от имени рабочих к Манухину, которое он передал для «проведения» выборному Феодосиевского прииска Петухову. Последний огласил обращение на общем

собрании рабочих в составе 1829 человек, и оно было отвергнуто всеми голосами при 7 воздержавшихся.

По существу же волновавших ленских рабочих и весь рабочий класс России вопросов сенаторская ревизия ничего, конечно, не могла дать и не дала. Ревизия, правда, собрала значительный фактический материал, который впоследствии лег в основу обширного доклада, составленного Манухиным. Этот доклад, сделавшийся достоянием гласности лишь после революции, в общем и целом подтверждает все обвинения, выдвинутые против «Лензото» рабочими. Но практических последствий ревизия никаких не имела.

Манухин, как сказано, с самого своего приезда на прииска начал убеждать рабочих прежде всего возобновить работу. Рабочие вначале об этом и слышать не хотели. Но когда и ранее приехавшая на прииска комиссия из адвокатов во главе с думским тогда депутатом Керенским и с своей стороны также начала уговаривать рабочих приступить к работе, так как это, мол, необходимо в интересах рабочих, последние поддались на уговоры адвокатов и на время ревизии спустились в шахты, хотя пролетарский инстинкт подсказывал им, что и после этого ревизия реальных результатов не даст.

И инстинкт, конечно, не обманул их. Единственным реальным «достижением», которое сенаторская ревизия дала рабочему—было увеличение зарплаты горнорабочим на три копейки в день.

Вообще же новый договор найма, выработанный при участии царского ревизора, фактически оставил прежнее положение неизменным, и рабо-

чие решили договора не подписать и покинуть прииска.

Мотивировку своего решения рабочие изложили в особом заявлении на имя Манухина, которое вместе с тем содержит и довольно недвусмысленную оценку всей ревизии.

В новом договоре,—говорится в этом заявлении, нет тех «существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих. Порядок не изменился. Администрация приисковая, а также крепкий Белозеровский режим не изменился и в присутствии начальства (ревизии). Виновность ленцев (правления) не установлена и на них не наложена обязанность уплатить штраф за все наши мучения; не восстановлена правда и не привлечены виновные 4-го апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме... При всех этих обстоятельствах рабочие подписать договор и остаться у ленцев на работе считают невозможным.... и желают вывоза в другие места».

Со стороны рабочих это не было пустой угрозой. В течение лета они в количестве 4000 человек покинули прииска.

Трогательная заботливость.

Царский жандарм, непосредственно руководивший расстрелом ленских рабочих, как потом выяснилось, получил от «Лензото» за свой кровавый подвиг 2400 руб. Царское же правительство, которое на словах якобы признавало расстрел «служебной ошибкой» Трещенкова и для видимости, для успокоения возмущенного общественного мне-

ния, отстранило его от службы и даже предало суду, в действительности все время проявляло о нем необычайную заботливость, оказывало ему трогательное внимание.

У страха, как водится, глаза велики, и Трещенков, струсив перед неизбежным возмездием за пролитую пролетарскую кровь, начал бредить террористами и покушениями, которые ему мерещились на каждом шагу.

Уже 28 июня, как только выяснилось, что Трещенкову придется уехать из приисков, жандармский полковник Васильев телеграфирует иркутскому губернатору, что по сообщению департамента полиции из Парижа предполагает выехать в Бодайбо для совершения террористического акта над Трещенковым бежавший из Сибири террорист Владимир Михайлов Косарев. Сообщая подробно приметы последнего, Васильев просит губернатора распорядиться об установлении за ним, как только он прибудет, наблюдении и о задержании его.

Два дня спустя тот же Васильев вторично телеграфирует губернатору, что еще в начале мая в Бодайбо командирован член летучего боевого отряда партии сибирских социалистов - революционеров для производства террористического акта над Трещенковым.

Чтобы сохранить верного слугу от действительно или мнимо грозившей ему опасности, жандармский полковник Васильев решил тайно вывести его из Бодайбо 4 июля, при чем для охраны должны были сопровождать его, кроме самого полковника, ротмистр, два унтер-офицера и несколько стражников. Для вящшей же безопасности, чтобы навести террористов на ложный след, Ва-

сильев послал простую незашифрированную телеграмму, в которой сообщалось, что Трещенков выезжает «в пятницу после 25-го».

Грозила ли действительно какая-нибудь опасность, или вся история с террористами была обычной выдумкой жандармов для вящшего возвышения в глазах начальства отличившегося соратника, но дорога до Иркутска, а затем до Петербурга прошла совершенно благополучно, и Трещенков получил возможность лично представиться шефу жандармов.

В департаменте полиции ленские «подвиги» Трещенкова были надлежаще оценены, ему было разрешено перейти на «нелегальное положение», и он жил под фамилией Кашина.

После возвращения с Лены сенатора Манухина, Трещенков, по представлению последнего, был предан суду. Два года тянулось следствие, и лишь в сентябре 1914 года совет министерства внутренних дел удосужился рассмотреть заключение прокурора. Ознакомившись с последним, а также и со следственным материалом, министр и его подручные—фактические вдохновители и соучастники ленского расстрела,—конечно, не нашли состава преступления и отклонили пред'явленное Трещенкову обвинение. Для того же, чтобы «герой» 4 апреля имел возможность искупить «свою невольную служебную ошибку», царские сановники решили предложить ему отправиться на фронт.

15 апреля 1914 года состоялось «высочайшее повеление» о приостановлении возбужденного против Трещенкова преследования до окончания войны, в виду разрешения ему вступить в действующую армию. 15 мая 1915 года «кровавый ротмистр» был убит на австрийском фронте.

4 (17) апреля в истории русского рабочего движения.

Ленские события занимают исключительное место в истории русского рабочего движения.

Ленский расстрел гулким эхо отдался по всей пролетарской России, которая ответила на него так же, как она ответила на расстрел 9 января 1905 года в Петербурге.

Четырехмесячная неравная борьба 5000 рабочих в далекой сибирской тайге и кровавый ее финал послужили могучим толчком к усилению и развитию классовой борьбы пролетарских масс России, углубили рабочее движение, придав ему ярко выраженный классовый пролетарский характер.

«Ленский расстрел, по выражению т. Лелевича, сыграл роль факела, брошенного в пороховой погреб».

Вызванный им революционный под'ем все усиливался и наростал, захватывая все более и более широкие массы, будя их классовое самосознание, заостряя их ненависть к существующему политическому и социальному строю.

Подобно январскому расстрелу 1905 года, 4 апреля 1912 года,—указывает т. В. Невский,— послужило поворотным пунктом в истории нашего рабочего и революционного движения, началом непрерывно наростравшего под'ема пролетарской борьбы, дошедшей в июле 1914 года до баррикад на улицах Петербурга.

Ленский расстрел дал необычайно наглядный урок классовой борьбы не только рабочим «Ленэото», но и широким массам всей пролетарской России. Он раскрыл им глаза на то, какая тесная и неразрывная связь существует между буржуа-

зией и царизмом, между «политикой» и «экономикой» вообще.

«Ленский расстрел,—писал тогда в заграничном органе партии «Социал-демократ» т. Каменев,— с ясностью, бросающейся в глаза всякому, вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью пропитанный, клубок международный капитал, царский дворец, охранные отделения; как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в «национальной» думе защищает барыши предприятия истинно-еврейского барона *).

Яркую и четкую оценку ленских событий и их значения для развития нашей революции дал Владимир Ильич.

«Ленский расстрел,—писал Владимир Ильич в своей статье «Революционный под'ем» **),—явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный под'ем масс.

«...Ленский расстрел... явился точнейшим отражением всего режима монархии. Вовсе не борьба за одно из прав ***), хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, ха-

*) Статья „Ленский расстрел и третьеиюньская монархия“, из которой взята эта цитата, ошибочна введена в XII том собр. соч. В. И. Ленина. По примечанию редакции собр. сочин. В. И. Ленина, она принадлежит перу Л. Б. Каменева.

**) Собрание сочинений В. И. Ленина. Том XII. Стр. 184—190.

***) После ленских событий ликвидаторы, а также т. Троцкий в своем венском органе „Правда“, утверждали, что в основе ленской стачки и бурного отклика на ленский расстрел всего российского пролетариата была борьба за т. н. „свободу коалиций“, т.-е. борьба за отдельные права, которыми ликвидаторы тогда призывали заменить борьбу с царизмом в целом, борьбу за „неурезанные лозунги“, к которой призывали большевики во главе с Ильичем.

рактерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно выступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем» (курсив везде подлинника).

После ленских событий для самых широких масс рабочего класса стало ясно и очевидно, что всякое буржуазное государство, как бы его политический строй формально не назывался, по своему существу глубоко враждебно пролетариату. Только власть рабочих, власть трудящихся может уничтожить эксплоатацию и экономический гнет буржуазии, может дать рабочему классу действительное освобождение от ига капитала.

4 (17) апреля 1912 года—один из важнейших этапов на великом историческом пути российского пролетариата к своей победоносной Октябрьской революции.

И в этом—великое значение этой исторической даты.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 40 коп.

Склад изданий в книжном магазине Из-ва МГСПС
„ТРУД и КНИГА"
Москва, Б. Дмитровка, № 1. — Тел. 5-93-75.

